

Мария Морион

Точка невозвращения

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Морион

Точка невозвращения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70492558

SelfPub; 2024

Аннотация

Застигнутый кризисом среднего возраста, герой решает покинуть зону комфорта, чтобы снова найти для себя смысл жизни и ответы на самые острые и болезненные вопросы. Действие перенесено в будущее, но это произведение – не антиутопия, скорее, социально-философская повесть. Вариант будущего, описанный в ней, надо сказать, один из самых оптимистичных. Технический прогресс лишь самую малость опережает современное состояние, но в социальном плане Мир Уэя отличается от нашего примерно так же, как наш от мира XVIII века. То, о чем сейчас обычные простые люди, особенно в странах третьего мира, могут только мечтать, у них давно стало реальностью. Но прибавило ли это счастья? Пусть каждый сам ответит себе на этот вопрос.

Содержание

Мария Морион

Точка невозвращения

ПРЕДИСЛОВИЕ

Двадцатый век окончательно развеял просвещенческие иллюзии о разумности мироустройства, об изначально доброй природе человека, о безусловном благе технического прогресса, о возможности построения идеального общества будущего, где все поголовно будут счастливы. В то же время, если представить себе в качестве фантастического допущения, что человек из XVIII века попадает в наш современный мир, то, думаю, он был бы вначале абсолютно восхищен нашим мироустройством: всеобщим (хотя иногда и формальным) равенством перед законом, уровнем технического прогресса, уровнем бытового комфорта, уровнем свободы доступа к информации. То, что мы воспринимаем как само собой разумеющееся, было предметом самых сокровенных мечтаний людей эпохи Просвещения. Тем не менее, в наших собственных глазах наш мир еще очень далек от совершенства, перед человечеством встают все новые и новые проблемы, грозящие поставить мир на грань катастрофы.

Знаменитые антиутопии XX века были отчасти ответом на эти новые вызовы и угрозы, встающие перед цивилизацией, отчасти реакцией на разочарование в идеях просвеще-

ния, хоть и гениальной, но в каком-то смысле детской – напоминающей реакцию избалованного ребенка, не получившего по первому требованию игрушку, которую он так хотел.

Двадцатый век показал нам те мрачные бездны, которые таятся в нас самих, тех чудовищ, которые приходят изнутри, легко разрывая тонкую пленку цивилизации. Однако человеческая мысль не должна заикливаться на этой нелицеприятной истине, останавливаясь на ней как на конечной точке развития, как не должна и отбрасывать ее, предавая забвению. С ней нужно работать, выходя на новый уровень осознания и признания двойственной природы человека.

Важнейшими вехами в осознании человеком собственной природы стали две мысли, которые можно вкратце сформулировать следующим образом:

1. Находясь в состоянии гармонии и покоя достаточно длительное время, человек начинает стремиться к хаосу, к разрушению гармонии. Разрушив же ее и погрузившись в хаос, человек начинает вновь жаждать гармонии и искать способы ее восстановления.

2. Полное отсутствие страдания в жизни человека, абсолютное сытое довольство ведет к отупению и моральной деградации. Страдание является необходимым элементом человеческого бытия, одним из важнейших способов осознания себя и мира. Однако это страдание не должно сводиться к перманентному физическому или моральному дискомфорту, который только отупляет и озлобляет человека. Оно

должно быть ярким и кратковременным переживанием, своего рода инсайтом, прозрением, катарсисом. И, кроме того, в идеале, оно должно быть не вынужденным и насильственным, а осознанным внутренним выбором субъекта.

В далеком уже теперь 2011 году две эти мысли, наконец соединившиеся в моем сознании, породили неожиданное осознание того, что мир, с одной стороны, слишком долго по человеческим меркам пребывает в состоянии гармонии, ну, или хотя бы отсутствия глобальных и разрушительных конфликтов, и вот-вот появится какая-то сила, стремящаяся эту гармонию разрушить. С другой стороны, большая часть современного мира пребывает в том самом отупляюще сытом состоянии, которое чревато потерей смысла существования, деградацией и в конечном итоге стремлением к саморазрушению. Мне показалось, что мир вот-вот подойдет к той точке невозвращения, после которой глобальная катастрофа станет неизбежной. Описание катастрофы как таковой никогда не было мне интересно, слишком много уже написано и снято на эту тему. Куда интереснее было пофантазировать на тему, что будет после. Усвоит ли человечество хоть какие-то уроки, будет ли новое постапокалиптическое общество отличаться от нашего хотя бы в той мере, в какой наше отличается от общества XVIII века?

К написанию романа меня подтолкнул один сюжет, пришедший ко мне во сне и показавшийся интересным. Я начала писать, но тут как раз вышел роман Виктора Пелеви-

на «S.N.U.F.F.» и надолго выбил меня из колеи. Мне показалось, что все уже сказано в этом романе, причем настолько талантливо, что мне никогда не достичь такого уровня. Поэтому мой роман был заброшен примерно на середине, вместо этого я написала научную статью об антиутопии. Но шли годы, пророчества Пелевина (и мои собственные предчувствия) постепенно сбывались, а мир спокойно и неторопливо катился в пропасть.

Почему я решила все-таки дописать роман именно теперь? Возможно, меня подтолкнул к этому осязаемый раскол в нашем обществе, ожесточенные споры на страницах интернета о прошлом и будущем нашей страны, о преимуществах и недостатках социалистического и капиталистического уклада. Я увидела, насколько по-разному люди мыслят и воображают себе «правильное» и «справедливое» мироустройство, и им никогда не договориться между собой, поскольку в основе их убеждений лежат принципиально разные представления о мире, о человеке, о справедливости.

Другим стимулом для написания романа стало желание разработать концепцию более разумного градостроения, отвечающую современным нуждам и чаяниям общества, совмещающую идеи экологичности и комфорта, появившееся после прочтения различных работ современных философов и урбанистов, в частности, «Защищающего пространства» Оскара Ньюмана.

Я не считаю свой роман утопией или антиутопией, ско-

рее, это моделирование некоего возможного будущего, в котором человечество все-таки учло кое-какие ошибки прошлого. Это роман, прежде всего, социально-философский. Вариант будущего, описанный в нем, надо сказать, один из самых оптимистичных. Технический прогресс лишь самую малость опережает современное состояние, но в социальном плане Мир Уэя отличается от нашего примерно так же, как наш от мира XVIII века. То, о чем сейчас обычные простые люди, особенно в странах третьего мира, могут только мечтать, у них давно стало реальностью. Но прибавило ли это счастья? Пусть каждый сам ответит себе на этот вопрос.

Это психологический роман о взрослении, о заблуждениях юности и о кризисе среднего возраста, о сбывающихся мечтах и о том разочаровании, которое они могут принести.

Это роман авантюрный, построенный четко по законам жанра, со всеми плюсами и минусами этой структуры.

Наконец, это роман филологический, наполненный явными и скрытыми цитатами из русской и зарубежной классики.

Я благодарю своих первых читателей за критику и ценные замечания, которые помогли сделать этот роман лучше.

спекта в районе F, неподалеку от дома, где жил Майкл. Сумерки за окном нехотя уступили место ночи, зажглись фонари, уличная реклама прибавила ярких красок лицам прохожих, и Никос, приятель Майкла, начал слегка ерзать на стуле, проявляя некоторые, пока еще слабые, признаки нетерпения: ему хотелось домой. А Майкл, как будто не замечая этого, может быть, и правда не заметил, заказал им еще по кружке эля. Ну к чему это, ведь обо всем вроде уже поговорили, и все университетские сплетни обсудили, и насчет будущего совместного проекта договорились, что ему еще-то нужно, шел бы себе домой, к жене, к детям, к сытному ужину и теплой постели. А встать и уйти, бросив его одного в баре, нельзя, неудобно. Все-таки старший коллега, друг...

– Знаешь, Никос, меня в последнее время все что-то беспокоит, тоска какая-то, прямо места себе не нахожу. Вроде бы все хорошо, работа идет, дети не болеют, никаких стрессов, а я, знаешь, как будто вкус к жизни потерял. Вот и с работой – когда только придумывали проект, все так интересно было, казалось – новая веха в науке, переворот в теории межличностных конфликтов, а сейчас... Кому все это нужно? Как будто конфликтов между людьми станет меньше, если еще один старый хрен напишет о них очередную книжку, которую прочитает дай бог половина его коллег по сектору, ну и еще горстка шизиков, ищущих себя до сорока лет и оправдывающих свои неудачи тем, что никто их не понимает и у них трагический конфликт с миром...

– Может, ты просто устал? Когда писали обоснование проекта, ты очень много работал, даже по ночам, посылал мне материалы в три, в четыре, иногда в пять утра, вот и переутомился.

– Нет, если бы все было так просто... Мой врач тоже говорит, что я переутомился, советует взять отпуск. Но я не чувствую себя уставшим! Мне просто все опротивело. Утром меня раздражает звук будильника, потом за завтраком меня бесит, что Тим сидит на стуле развалившись, да еще и наушники в ушах, мотает в такт своей идиотской музыке лохматой башкой, а Фанни чавкает и качается на стуле. А сделаешь им замечание – сразу обиды, слезы: «Папа, ты тиран, ты меня не понимаешь, все время придираешься». Жена подхватывает, тоже начинает нас воспитывать, причем в зависимости от настроения достается на орехи то мне, то детям. А в последнее время она на меня обижается, так что достается в основном мне. Да и как ей не обижаться, я ее понимаю. Я ведь уже два месяца с ней не сплю. Сначала отчет по предыдущему проекту шел, сам понимаешь, все силы и время на него уходило, потом я как-то пытался, тут она не захотела, ну а потом одно-другое, моя раздражительность, ее вечное недовольство, понимаешь, в конфликте ведь всегда виноваты обе стороны, это азы...

Зачем он все это говорил Никосу? Семейными проблемами нужно делиться со своим семейным врачом, а не с коллегой, которому, чем дальше, тем более неловко было сидеть

и слушать излияния Майкла. Во-первых, это все слишком личное, а они хоть и друзья, но в первую очередь – коллеги, существует же определенная этика, субординация... Во-вторых, уже поздно, а совесть, в конце-то концов, должна же быть у человека?! Ведь у Никоса тоже дома жена, ждет его, и она будет не в восторге, если он придет поздно и не слишком трезвый.

– Причем, понимаешь, ведь я люблю их, и детей, и жену, и работу свою люблю, но я ничего не могу поделать – все самое ценное в моей жизни вдруг мне опротивело. Видеть их не могу. Вот и сейчас тоже, сижу и понимаю, надо бы домой, а не могу. Ты прости меня, старого дурака, что я тебя грузю своими проблемами, я же понимаю, тебя дома ждут, да и вообще... Но я просто не знаю, что делать. Врач говорит: нужна смена обстановки, может быть, отдых на море, или в горы съездить, подышать свежим воздухом, на лыжах покататься... А я как представляю – мне еще тошнее делается: валяться кверху пузом на пляже целыми днями, ничего не делать, слушать как капризничает Фанни или занудствует Тим, и бесконечная воркотня и опека жены. И для лыж я уже староват, гибкость не та, реакция, боюсь я, честно говоря. Спортом ведь надо заниматься всерьез, как и любым делом, если действительно хочешь быть Мастером, а не старым пугалом на лыжах. А я уже семь лет не катался. Нет, мне нужно что-то другое...

– А ты давно был на острове Оу?

– На острове Оу?

Майклу стоило большого труда сделать равнодушное лицо и как бы небрежно произнести:

– Давно... Лет двадцать уже не был, если не больше. В юности ездил туда, да, девочки, казино, травка, ну, ты же знаешь, тогда это было в моде. Да и сейчас, наверное, молодежь любит развлечься, пощекотать нервы. Но я-то взрослый человек, семейный, что мне там делать?

– Ну, просто протрястись, знаешь, многим помогает. Мой отец недавно ездил, так вернулся таким бодрячком, помолодел на 10 лет. И жена с детьми туда с тобой явно не поедет.

– Ха-ха, это уж точно! Только она ведь и меня не отпустит, она ведь знает, зачем туда ездят.

– А ты скажи своему врачу, чтобы он тебя прикрыл под дружески, сказал бы ей, что тебе необходима кардинальная смена обстановки, психическая реновация, иначе неизбежна тяжелая депрессия. Она и отпустит.

Майклу, пожалуй, не хотелось поддерживать этот разговор и развивать тему поездки на Оу. Он не знал, знает ли Никос что-нибудь о его прошлом, провоцирует ли его или просто дает совет от чистого сердца. На всякий случай он решил принять все это за чистую монету.

– Хм, пожалуй, это не такая уж плохая мысль. Спасибо, старина, я знал, что на тебя можно положиться, ты всегда поможешь советом в трудную минуту.

– Рад был помочь. Ну, что, надо по домам, пожалуй.

– Да, пойдём.

Они вышли на улицу, где полновластно царил прохладный и свежий весенний вечер. Никос направился к подземке, а Майкл не торопясь побрел к дому. По дороге он думал об острове Оу, о своей юности и о том, что, несмотря на все его научные успехи и бытовое благополучие, жизнь, кажется, прошла мимо, и даже не оглянулась, зараза. И ему вдруг очень сильно захотелось поехать. Да, пусть это безумие, дурачество, даже опасная затея, но ему просто необходимо что-то изменить в жизни, обрести хотя бы частицу утраченного времени.

2

Утро было таким ясным, солнечным и теплым, что Майкл решил прогуляться до центра пешком через парк, хотя путь был неблизким. Надо было пройти мимо двух кварталов, а каждый квартал, как известно, около километра в диаметре. Зато прогулка по парку в такое утро – одно удовольствие, а до начала занятий в университете оставалась еще масса времени. Кроме того, был шанс встретить по дороге Томаса, их семейного врача. Майкл знал, что Томас любит слоняться по южной части парка недалеко от своего дома, особенно когда переживает из-за чего-нибудь. Может быть, удастся поговорить с ним насчет острова Оу. В кабинете этот разговор затевать нельзя, потому что все беседы с пациентами там запи-

сываются, а Томас очень дорожит своей репутацией и даже в мелочах не стал бы рисковать ею.

Майклу повезло. На третьей дорожке он встретил Томаса, сосредоточенно изучавшего куст шиповника, с таким видом, как будто тот был как минимум смоковницей, не одарившей его плодами. Он явно был не в духе.

– Привет, Том, как дела?

– Пока не родила.

– Нина?

– Конечно, кто же еще. По срокам должна была вчера. Я весь день проторчал в палате, ночь не спал, весь извелся уже.

– Но все ведь нормально, без осложнений? Не переживай, не вчера, так сегодня, не сегодня, так завтра, но она обязательно родит, никуда не денется.

– Угу.

– Слушай, я хотел с тобой поговорить. Так сказать, неофициально, по-дружески.

– Хм. О чем это, интересно. Если об этих твоих проектах, то даже не мечтай, я своих пациентов тебе в качестве подопытных кроликов не отдам, я же сказал.

– Нет, нет, я о себе хотел. Помнишь, ты мне советовал взять отпуск из-за переутомления? Так вот, я подумал, а что если мне съездить на остров Оу?

– Ты в своем уме? Ты уже не мальчик, чтобы пускаться в авантюры! А что скажет Катарина?

– Вот об этом я и хотел поговорить. Я понял, что мне нуж-

но немного отдохнуть от семьи. Не пускаться во все тяжкие, конечно, просто немного развеяться. Ведь там кроме девочек еще много развлечений, охота, например, или казино...

– Ну-ну, – скептически улыбнулся Томас.

– Нет, правда, я подумал, что если на море или в горы, то я не смогу поехать без них, а на Оу Кэт точно со мной не поедет. И ты бы мог мне помочь ее уговорить меня туда отпустить. Иначе, дескать, депрессия, возможность тяжелых и необратимых личностных изменений...

– Майкл, ты мне, конечно, друг, но истина дороже. В смысле, не впутывай меня, пожалуйста, в свои семейные траблы.

– Ну послушай, ну что тебе стоит, просто скажи ей, что мне нужна кардинальная смена обстановки, и ты бы рекомендовал поехать на Оу. Только и всего! Ну пожалуйста!

– Только и всего! А если тебя там убьют? Или покалечат? Или украдут и продадут в рабство?

– Пф! В рабство! Да кому я там нужен! Вот если бы я был двадцатилетней блондинкой с пышными формами, тогда стоило бы опасаться. Я оформлю хорошую страховку. Да ничего не случится! Каждый год сотни, даже тысячи наших туда ездят, и ничего особенного с ними не происходит. Ну, деньги наличные украдут, ну побьют немножко в каком-нибудь кабаке, подумаешь! Если не нарываться самому, ничего тебе не сделают. Все-таки понятия у них никто не отменял.

– Понятия! Так вот я тебе по понятиям объясняю: не впу-

тывай меня в это!

– Ты мне друг?

– Друг. И я желаю тебе только добра.

– Если это правда, то ты как друг должен мне помочь, по всем понятиям.

– Уф... Ну хорошо, хорошо, я скажу, что может быть стоило бы поехать на Оу. Но не больше. Уговаривай ее дальше сам, как знаешь.

– Отлично! Спасибо, дружище! Ну, до скорого! Привет Нине!

– Пока.

3

Томас остался изучать розовый куст и размышлять о достоинствах и недостатках мужской дружбы, а Майкл отправился дальше. В этот день ему надо было принять у первокурсников зачет по истории Двуетаинного государства.

Красивая белоснежная башня, здание университета, находилась в одном из центральных районов, окруженная симпатичными бежевыми пятиэтажками кампуса. Студенты уже собрались в аудитории, находящейся на одном из верхних этажей. Майкл раздал вопросы и стал смотреть в окно, пока студенты готовятся. За окном было зеленое лиственное море, а из него торчали белые, красные, желтые, серые островки – крыши домов соседних районов. А далеко-далеко на го-

ризонте сияло настоящее море, и было оно синим, прекрасным и бескрайним.

Первый студент, отличник и зубрила Томпсон, пошел отвечать. Ему достался вопрос о Великой Катастрофе.

– Великой Катастрофой, – начал Томпсон, – называют события 36 года 21 века от Рождества Христова. В результате конфликта между крупнейшими мировыми державами, возникшего из-за попытки передела природных ресурсов, началась война, в ходе которой был пробужден гигантский вулкан, находившийся на континенте Северная Америка, произошло извержение вулкана площадью 50 на 70 квадратных километров, мощность извержения была такой, что весь континент покрылся гигантскими трещинами, раскололся и ушел под воды мирового океана. Другие континенты сильно пострадали от цунами, наводнений, землетрясений, а также от пепла, вылетевшего из вулкана. Около трех лет подряд Земля была покрыта мраком, потому что солнечные лучи не могли пробиться через тучи пепла, летающие над землей. Из жителей Земли осталось в живых менее одной десятой, множество культурных объектов и технологий было утрачено. Та часть земли, где когда-то была Евразия, по большей части превратилась в ядерную пустыню, и пройдет еще не одна сотня лет, прежде чем природа там восстановится, и земля эта станет пригодной для человека. Северная Америка целиком ушла под воду, от Африки осталась только южная ее часть. Южная Америка раскололась на два континента, между ни-

ми образовался довольно широкий пролив. Два этих континента стали основным пристанищем человечества и оплотом нового Государства.

– Какие главные последствия Катастрофы Вы можете назвать?

– Катастрофа стала точкой отсчета новой эры, названной Эрой Восстановления. 2041 год стал первым годом новой эры. Отдельные разрозненные человеческие сообщества наладили между собой устойчивую связь, возникли новые государства. Первый век новой эры был веком великого Восстановления. Люди вспоминали и пытались воссоздать все достижения технического прогресса, которыми обладала цивилизация 21 века. Помимо техники, заново писались книги, музыка, картины. Люди чувствовали себя Робинзонами, выброшенными бурей на остров, не имеющими ничего, но имеющими самое главное – память, ум и желание трудиться, а следовательно – имеющими все, что нужно человеку. Поэтому издавна повелось, что два новых образовавшихся материка называли островами. Им дали новые имена: Уэй и Оу. Остров Уэй назвали так потому, что именно там родился великий Учитель, Али Фердинанд, показавший человечеству новый путь, путь к счастью для всех.

Постепенно были восстановлены важнейшие достижения науки 20-21 веков. Но человечество учло ошибки прошлого и пришло к мысли о более справедливом и гуманном мироустройстве. В 85 году новой эры было подписано Всемирное

соглашение о запрете изготовления оружия массового поражения.

– Хорошо, – Майкл расписался в зачетке. – Можете идти.

Следующей отвечала Сара, милая рыжеволосая девочка, умненькая, но еще по-детски слегка наивная.

– Мой вопрос – жизнь и деяния Али Фердинанда Великого. Али Фердинанд Чжоу, прозванный Великим, родился в 25 году эры Восстановления на побережье, в маленьком поселении недалеко от Океанополиса, в семье беженцев из Евразии. Его отец был китайцем, а мать наполовину турчанкой, наполовину немкой. Он был очень способным, хорошо учился, видел, как люди стараются восстановить жизнь на земле, и хотел как можно больше узнать, чтобы помогать всем, хотел, чтобы люди были счастливы и больше не было войн и катастроф. И когда он вырос, он пришел в Океанополис и стал там работать. Был строителем, инженером. Потом он понял, что недостаточно просто все починить и заново построить, нужно строить жизнь на новых основаниях, чтобы не повторять ужасных ошибок прошлого. Но какими должны быть эти основания? Единая модель счастья для всех людей невозможна, потому что все разные, для одних счастье – труд и знания, для других – власть и богатство, для третьих – обжорство и лень, и им никогда не понять друг друга – так учил великий создатель современного мира. Разнообразное счастье для разных людей – так он говорил.

Чтобы восстановить все, что было утрачено после Ката-

строфы, нужно было очень много работать, и люди были счастливы, сознавая, что их жизнь не бессмысленна, находили радость в созидательном труде и восстановлении жизни. Но были и такие, которые не хотели работать, не хотели ничего создавать, а только отбирали силой созданное другими людьми. К середине первого века эта проблема всерьез встала перед новым человечеством: даже великая Катастрофа не смогла полностью изменить природу человека, даже под угрозой всеобщей гибели люди не могут до конца объединиться и забыть о личных интересах ради всеобщего блага. «Хорошо, – сказал Учитель, – Не можете объединиться, значит, нужно разделиться». И так была создана современная модель цивилизации. Из одной части Южной Америки, названной островом Оу, перевезли всех тех, кто хотел честно трудиться, соблюдать законы и стать настоящими Новыми людьми, а из другой, названной островом Уэй, перевезли на Оу всех тех, кто имел преступные наклонности и предпочитал легкую наживу честному труду. Конечно, многие сопротивлялись, но их было меньшинство, и после Освободительной войны 55 года эры Восстановления, проигранной сопротивленцами, они сдались и добровольно переехали.

Али Фердинанд стал первым президентом острова Уэй и правил мудро и справедливо 7 лет. Создал конституцию и основной свод правил для граждан Уэя. А потом внезапно исчез, и до сих пор никто не знает, где он и что с ним случилось, но память о нем всегда будет жить в сердцах благо-

дарных сограждан.

Майкл поставил ей высшую оценку за ответ, хотя и понимал, что при желании можно было бы ко многому придираться. Но ему не хотелось придираться.

Соломону, по иронии судьбы, достался вопрос о судебной системе, созданной в Двуетидном государстве. Майкл улыбнулся про себя, но не стал вслух шутить по этому поводу.

– После того как произошел раздел между островами, Али Фердинанд отменил все тюрьмы, потому что, как он говорил, тюрьма внутри человека, а не снаружи, так же как и свобода. Поэтому за мелкие правонарушения была назначена система штрафов, ставшая особенно эффективной после введения социального рейтинга, за некоторые преступления назначаются общественные работы, а за серьезные – ссылка на Оу, от года до пожизненной. С Оу было подписано соглашение о том, что они обязуются принимать всех граждан Уэя, сосланных за преступления и в то же время не препятствовать переселению лиц, родившихся на Оу уже после разделения, если они захотят переехать на Уэй. Наиболее серьезными преступлениями, за которые назначается пожизненная ссылка, являются убийство, изнасилование, грабеж с нанесением тяжких телесных повреждений, контрабанда наркотиков и открытое массовое выступление против законов государства. За воровство и мелкое хулиганство обычно сначала назначают штраф и общественные работы, а при повторном нарушении уже следует ссылка на определенное время

в зависимости от нанесенного ущерба. Различные мелкие конфликты и споры решает обычно товарищеский суд. Дело описывается подробно каждой стороной конфликта и размещается на сайте товарищеского суда анонимно, чтобы обсуждающие рассматривали его беспристрастно. Затем каждый желающий высказывает свою точку зрения на конфликт и возможные варианты его разрешения. Затем искусственный интеллект анализирует все комментарии, плюс привлекает аналогичные дела из базы и на основе всего этого выносит наиболее взвешенное и справедливое решение.

– Спасибо, достаточно.

Следующим отвечал робкий тихоня Саша. Майклу уже слегка наскучило выслушивать их ответы, но что поделаешь, работа есть работа.

– Мой вопрос, эээ... Вопрос. Ну, я расскажу про устройство власти в нашей стране. Есть комиссия по благоустройству, в ней состоят главы районов и глава парковой службы. Есть комиссия по развитию и здравоохранению, там ученые работают, экономисты, врачи, социологи...

– Вы рассказываете про страну или про городские власти?

– Я не знаю... А про что надо?

– Хорошо, понятно. Начните с домовых комитетов и постепенно дойдете до верховной власти.

– А, хорошо. Так... в каждом доме есть домовый комитет, он решает всякие мелкие вопросы и споры между жильцами, глава домового комитета выбирается общим собранием

жильцов на неопределенный срок и может быть переизбран в любой момент тем же общим собранием. Он входит в районный комитет, который решает вопросы уже всего района, среди них раз в год выбирается глава района, он входит в городскую комиссию по благоустройству. В комиссии председательствуют поочередно все главы районов. Главы городских комиссий входят в городской совет наряду с главами других комиссий: комиссии по надзору за правопорядком, по образованию, по развитию. И есть еще верховный совет государства, собирающийся по необходимости, когда возникают какие-то важные проблемы в масштабе страны. С тех пор как Али Фердинанд исчез, президента больше не выбирают, его место за круглым столом верховного совета остается пустым, когда все главы комиссий из разных городов собираются за ним.

– Как вы считаете, какое название больше всего подходит нашему типу правления?

– Полисная демократия, я думаю.

– Хорошо, спасибо.

Потом отвечала Энни, бойкая кудрявая брюнеточка. У нее был вопрос про права человека в Двуетном государстве. Начало ее ответа Майкл прослушал, отвлекшись на синне-зелено-оранжевого попугайчика, усевшегося на створку приоткрытого окна и как будто внимательно прислушивающегося к тому, что происходит в аудитории. «Может, от него было бы не меньше проку, чем от моих студентов, умей он

говорить. По крайней мере, выглядит он гораздо умнее многих из них. Помнится, был в древности один деятель, который проповедовал птицам. Интересно, чем кончилась вся эта история?»

«Пьюти-фьют», – ответил попугайчик и улетел.

Тем временем Энни продолжала:

– ... и было решено, что дети, рождающиеся на Оу, будут иметь право выбрать, на каком из двух островов-континентов они хотят жить, потому что дети не должны отвечать за грехи своих родителей.

Майкл опять отвлекся, думая о том, что те, кто приезжал на Уэй в самостоятельном возрасте, лет в 16-17, уже очень тяжело приживались тут, жизнь казалась им слишком спокойной, слишком пресной, и они часто возвращались обратно. Или их заставляли вернуться, потому что они не могли смириться с теми добровольными ограничениями, которые накладывал на себя каждый порядочный гражданин Уэя: никаких наркотиков (даже сигарет), алкоголь только совсем слабый – пиво или легкое вино, постоянное соблюдение чистоты, вежливость, аккуратность, пунктуальность и исполнительность. Они чувствовали себя Геккльберри Финнами, попавшими на воспитание к вдове Дуглас, и начинали бунтовать. Но дети, перевезенные в самом раннем возрасте, приживались хорошо. Иногда их родители сами отказывались от детей, чтобы обеспечить им счастливую и спокойную жизнь на Уэе, но чаще это были сироты, чьи родители погибли на

«свободном» острове, или брошенные дети, о которых родители просто не хотели заботиться. Граждане Уэя с удовольствием их усыновляли и воспитывали как своих родных детей.

– На Уэе очень большое внимание уделяется детскому воспитанию: с детского сада за малышами внимательно наблюдают, выявляя их природные склонности и способности. В школе их распределяют по классам, где помимо базовой общеобразовательной программы особое внимание уделяется какой-то группе предметов. Математические классы, гуманитарные, спортивные, творческие. В каждом классе не более 16 человек, близких по интересам и уровню способностей. Каждому хоть сколько-то одаренному человеку находится место в этом мире; свобода творчества, свобода созидания – вот идеал свободы граждан острова Уэй. На Оу свободу понимают иначе – как вседозволенность, безделье, легкие деньги.

«Что ж, – подумал Майкл, – кому по вкусу такая свобода, для того остров Оу – райское местечко. Там можно предаваться любым порокам, любым излишествам, были бы деньги и желание».

– Там не существует законов, перед которыми все равны, но зато есть понятия. Это своего рода правила поведения, довольно дикие и причудливые для цивилизованного человека. Вся земля там поделена между кланами, глава клана контролирует территорию и устанавливает там свои поряд-

ки, бедные и слабые вынуждены им беспрекословно подчиняться и работать на благо богатых и сильных. На Оу процветают азартные игры, наркоторговля, проституция, там любого человека могут ограбить и даже убить на улице, и никто не будет ловить преступников. Там нет даже такого слова «преступник», потому что нет законов, которые можно было бы преступить. Но если кто-то перейдет дорогу главе клана или его приближенным, то его, конечно, убьют. Между собой главы кланов разбираются «по понятиям», то есть устанавливают какие-то взаимно приемлемые правила. Есть, конечно, и «беспредельщики», которые даже на «понятия» плевать хотели, но они, как правило, долго на этом свете не заживаются. На силу всегда найдется другая сила. Как ни странно, довольно много граждан Уэя, несмотря на весь риск, обожают проводить отпуск на Оу. Они называют это «разрядкой».

«Точно, мне тоже нужна разрядка. Иначе я задохнусь в этом милом, добром, чистом и прекрасном мире, как керосиновая рыбка. Надо будет рассказать Катарине эту притчу, она должна понять ее смысл. Понять и отпустить». Додумав эту мысль Майкл понял, что Энни давно уже смотрит на него выжидающе, видимо запас ее красноречия иссяк.

– Что Вы можете сказать о Клятве гражданина?

– Клятва гражданина была сформулирована в 56 году другим и помощником Али Фердинанда Ильясом Азоном. Она произносится при посвящении в граждане, в десятилетнем

возрасте, когда ребенок получает право завести себе личную страницу, где будет отражаться его социальный рейтинг и все его достижения в учебе и в общественной жизни. Потом еще раз повторяется в день совершеннолетия, по достижении 17 лет, когда человек получает отдельное жилье. Согласно ей, каждый гражданин Уэя обязан трудиться на благо общества и заботиться о процветании своей родины, быть вежливым, честным, отзывчивым к чужому горю, бережно и ответственно относиться к окружающей среде.

Потом отвечал Ли, рассказывал о денежной системе Двухединого государства:

– На Оу есть бедные и богатые, чего давно нет на Уэе, где определена достаточная норма комфортной жизни для человека. Раз в пять лет лучшие математики и экономисты острова пересчитывают эту норму, стараясь учесть изменяющиеся потребности человека и появившиеся за эти годы новые технологии. Достаточная норма поступает на счет каждого гражданина в начале месяца, затем в течение месяца ее отрабатывают. Помимо основной работы, которая занимает 4 часа в день, люди часто занимаются другой общественно полезной деятельностью. По сути, деньги у нас перестали быть эквивалентом успешности и значимости человека, их заменил социальный рейтинг, складывающийся из многих факторов, важнейшим из которых, конечно, остается труд. Допустим, человек работает врачом, его социальный рейтинг складывается из количества пациентов, объективных показателей эф-

фektivности лечения, отзывов пациентов, но также и иной деятельности на благо общества. Допустим, он рисует картины в свободное время и передает их в картинную галерею или для украшения дома пожилых людей¹, за это тоже начисляются баллы. Или, например, участвует в районных субботниках. Как правило, социальный рейтинг превышает достаточную норму, иногда даже в разы, он отображается на личной странице и виден всем гражданам. Конечно, самыми уважаемыми являются граждане с высоким социальным рейтингом. Если же человек ленив и едва-едва отработывает достаточную норму, понятно, что он не пользуется особым уважением. Средства в рамках достаточной нормы можно тратить как угодно, дополнительные средства из социального рейтинга тоже, конечно, можно тратить, но если, например, слишком часто обналичивать их для поездок на Оу для запретных развлечений, то у комиссии по контролю могут возникнуть вопросы к такому гражданину.

Майкл подумал было, не в его ли огород этот камушек, но Ли продолжал:

– На Оу используются в основном наличные деньги, а электронными (при помощи отпечатка пальца) можно рас-

---

¹ В каждом районе отводится по одному дому специально для молодежи и одному для пожилых людей, чтобы одни не мешали другим, и чтобы создать комфортные условия тем, кому уже стало трудно самим о себе заботиться. В таких домах большинство квартир – студии, на первом этаже располагается кафе, в доме пожилых людей есть также медпункт с дежурной медсестрой, чтобы в случае необходимости сразу обратиться за помощью.

платиться только на территории порта и отелей для граждан Уэя.

– Как Вы считаете, в чем основное достоинство нашей денежной системы?

– В том, что, во-первых, у нас нет людей, наживших богатство незаконным путем и незаслуженно пользующихся уважением. Во-вторых, прозрачность электронного денежного оборота исключает возможность взяток. В-третьих, люди не стремятся больше к демонстративному потреблению, чтобы показать свою общественную значимость. Они берегут природу и ресурсы, стараются тратить меньше, чтобы их социальный рейтинг был выше.

– Спасибо. Отлично.

4

Майкл возвращался домой из университета в самом радужном настроении. В его воображении уже нарисовалась заманчивая картина путешествия по морю, он буквально чувствовал, как свежий морской ветер треплет его волосы, ощущал вкус соли на губах, слышал протяжные крики чаек... Ему вспоминалась его молодость, пришедшаяся на конец века, тогда в моде было всяческое фрондирование, противостояние правительству, многие из его однокашников становились хиппи и уезжали жить на Оу, говоря, что на острове Уэй им нечем дышать, что свобода и демократия вы-

родились в новое полицейское государство, повсюду камеры слежения, а вот на Оу настоящая свобода без границ, без тотального надзора и контроля. Сколько таких юных романтиков сложило свои буйные головушки на этом «свободном» острове – не сосчитать. Майкл тоже отдал дань этой моде в свое время, сбежал из дома в 18 лет, бросив университет, поехал на Оу проповедовать любовь к ближним и учиться настоящей свободе. Учение состояло в основном в неумеренном употреблении алкоголя и наркотиков для «расширения сознания». Потом любовь, боль расставания, снова алкоголь – теперь уже лишь для того, чтобы забыться, не думать, не вспоминать... А потом возвращение. Служба в армии, учеба, работа, потом Кэт, дети. И вот теперь, спустя больше двадцати лет, эта попытка вернуться в прошлое: найти утраченное или наверстать упущенное? Наверное, просто попытка снова обрести себя...

С этой мыслью Майкл и вошел в свою уютную квартирку на 17 улице, стараясь придать лицу серьезное и решительное выражение.

– Милый, с тобой все в порядке? У тебя такое лицо, как будто ты только что похоронил своего любимого хомячка.

– Кэт, знаешь, я сегодня встретил Томаса по дороге на работу...

– Нина еще не родила?

– Нет пока. Так вот, Томас сказал...

– Да, да, дорогой, но сначала вымой руки и иди за стол.

Я приготовила сегодня суп по рецепту Фаины, это такая экзотика, древнейший рецепт, говорят, его изобрели в стране, которая находилась где-то на севере Евразии. Называется «Боршч»! Такое странное слово...

– Кэт, послушай, нам надо серьезно поговорить.

– Что случилось, Майкл? Конечно, давай поговорим. Что-то не ладится с работой?

– Не совсем. Томас говорит, что я переутомился во время работы над предыдущим проектом, и сейчас начинать следующий, не отдохнув как следует, просто опасно для моего здоровья. Он говорит, мне нужно взять отпуск.

– О, дорогой, конечно, отпуск, как здорово! Давай поедem в горы!

– Кэт, все хуже, чем ты думаешь. Он говорит, что мне нужна «полная разрядка». Нужно на время совершенно выпасть из привычной среды, кардинально сменить обстановку, ну, например, съездить на остров Оу.

– Оу? Ты с ума сошел? Нет, я не верю, чтобы Томас, наш умный, рассудительный Томас мог тебе такое посоветовать! Либо ты выдумываешь, либо вы оба сошли с ума! Я сейчас позвоню ему и узнаю!

Она набрала номер:

– Томас, привет, это Кэт! Как там Нина? О, неужели! Поздравляю, поздравляю! Да, привет ей! Ну, молодцы! Послушай, а что это там за бредовая идея насчет острова Оу? Ты подумал! Интересно, каким местом ты подумал, когда давал

ему этот совет? Ну ладно, ладно, я ценю твое мнение специалиста, но ведь это безумие! А что его могут убить, ты подумал? Никакая страховка не заменит мне моего мужа! Ну, хорошо, хорошо, отдыхайте, прости, что я на тебя накричала, но ты же понимаешь, что это нелепая и опасная авантюра. Ладно, я потом еще попозже позвоню. Ну, пока!

Отключив связь, Кэт обернулась к мужу.

– Нина родила! Мальчик! Такой здоровый мальчишка, и уже ресничками хлопает, и взгляд такой осмысленный, умный, представляешь!

– Представляю. Весь в папу.

– Не уверена. Его умному папочке следовало бы подумать, прежде чем давать тебе такие советы. Какой может быть отдых среди воров, убийц и наркоманов?! Ты ведь не мальчишка, тебе уже сорок пять, у тебя семья, ну что тебе там делать?

– В сорок пять жизнь еще не заканчивается.

– Конечно! Кризис среднего возраста! Решил пуститься во все тяжкие, чтобы наверстать упущенное? Будешь там таскаться по проституткам, нахватаешься заразы всякой! Что, я не знаю, зачем вы все туда едете?! Я знаю!

– Я поеду не за этим.

– Ах, ты поедешь! Никуда ты не поедешь, слышишь?! Ты не поедешь или ты мне больше не муж! – и она вышла из столовой, громко хлопнув дверью.

Если до этого у Майкла еще оставались какие-то сомнения насчет поездки на Оу, то теперь он точно решил ехать.

Завтра же возьмет отпуск, получит наличные в банке, закажет билет на паром, и никаких возражений слушать он не желает! Надоело! Она считает, что он маленький ребенок, которого все время нужно опекать. Не муж, надо же! Ей наплевать, что у него депрессия, что он несчастен, что ему душно жить и скучно дышать, ей лишь бы привязать его покрепче к своей юбке! Женщины! Чувство собственности в них неистребимо, какая бы цивилизация их не воспитывала, старая или новая, они всегда такими были и всегда такими останутся!

Майкл чувствовал, что нужно как-то успокоиться, расслабиться, взять себя в руки. Он нашел в шкафу плавки и полотенце и спустился на первый этаж, где располагались спортзал, бассейн и прачечная. В бассейне никого не было, и Майкл отлично поплавал полчаса. Гнев и раздражение улетучились. Когда он вернулся в квартиру, Кэт не было дома, а на экране холодильника² светилась заметка: «Ушла к Фаине. На ужин разогрей себе и детям борщ». Значит, к ужину она не вернется, будет дуться, пить кофе со своей ненаглядной Фаиной и перебивать ему косточки. Ну и ладно. Кстати, этот диковинный суп оказался очень даже вкусным, хотя и немного жирноватым. Вот так и наступает старость, когда начинаешь

---

² На Уэе дверцы холодильников снабжены сенсорными экранами и магнитными замками. Можно ввести код, без которого дверца не откроется, чтобы домашние не таскали еду бесконтрольно, можно поставить таймер, чтобы дверцу нельзя было открыть до определенного часа, например, до 6 утра во избежание ночного дождя. Есть также функция записки-напоминалки.

задумываться о том, сколько в еде холестерина и не будет ли к вечеру болеть печень или желудок...

5

Отпуск Майклу дали без всяких проволочек, и даже не на две недели, а на три. Билет заказан, осталось только собрать вещи. Кэт все еще дуется, но уже смирилась с его поездкой, как с неизбежным злом. Он обещал вести себя хорошо, на девушек не засматриваться, с местным населением не связываться и везде ходить с гидом. Он планировал съездить на охоту в прерии (на Уэе охота запрещена, само собой, да и оружие имеет только полиция и армия), поиграть в казино (об этом он жене не стал говорить) и еще, может быть... Ах, Анабэль, Анабэль, mon amour perdu... Про это он жене, конечно, тоже не сказал.

Они познакомились в колонии хиппи в далеком девяносто пятом, ему было 18, ей 17, и она тоже сбежала из дома. Правда, ее дом был на Оу, а родители – очень уважаемые члены общества (то есть очень богатые и имеющие крутую охрану), но она не хотела иметь ничего общего ни с этим «обществом», ни с этими грязными деньгами. Она так и говорила: «Грязные деньги, на них кровь и пот стольких людей!». У Анабэль было все, о чем только можно мечтать, но она не была счастлива. Ей хотелось быть свободной. Абсолютно свободной и абсолютно счастливой. Но что такое аб-

солютное счастье? Наверное, это те несколько месяцев, когда они были вместе. Они построили себе хижину на берегу океана, утром купались, ловили креветок и моллюсков, искали черепаши яйца в песке, собирали кокосы, готовили завтрак на костре (господи, он ведь успел забыть этот горький и прекрасный запах живого костра!), потом, если было настроение, шли в близлежащий городок, помогали торговкам на рынке за небольшую плату или нанимались работать на конопляных плантациях, тогда брали плату натурой, то есть коноплей, а вечером – костер, флейты, барабаны, танцы и песни, огонь костра, шум океанского прибоя, сладкий дымок сигарет... А ночью любовь, любовь без конца и без края, безграничное счастье и бесконечная свобода.

Но родители Анабэль готовили для дочери другую судьбу. Они любили ее и желали ей счастья, только счастье они понимали по-своему. Она должна была выйти замуж за богатого и уважаемого человека, партнера ее отца по бизнесу (какой уж это был бизнес, Майкл даже не спрашивал, но и так было понятно, что наверняка что-нибудь мерзкое), родить детей, чтобы сердце ее престарелого папочки, закаленное в «разборках» и «стрелках», потихоньку оттаивало рядом с внучатами. Он бы давал внуку поиграть своим знаменитым автоматическим пистолетом, который не раз спасал ему жизнь в молодости (отнимая при этом чужую), а маленькой внучке дарил бы самых красивых и самых дорогих кукол, какие только есть на двух островах.

Когда Анабэль сбежала, ее отец был в ярости. Говорят, он тут же, не задумываясь, прострелил голову охраннику, который принес ему эту злую весть. Сначала думали, что ее похитили, но никто не попросил выкупа, и тогда поняли, что это был побег. Ее искали во всех крупных городах, посылали даже запрос на УэЙ, но там она не появлялась, и наконец, через четыре месяца напали на ее след. Один из партнеров отца, приехавший по делу на конопляную плантацию, случайно увидел там Анабэль и узнал ее, несмотря на темный загар, выцветшие на солнце волосы, драные джинсы и растянутую старую майку. Он сообщил отцу Анабэль, где она находится, и тот вскоре приехал за ней. Были слезы, мольбы, даже угрозы покончить с собой, но папаша был тверд и непреклонен. В конце концов охрана насильно запихнула ее в один из огромных танкоджипов и увезла. Отец задержался еще на пару дней, чтобы разобраться с «этими мерзавцами, развратившими его дочурку», то есть с колонией хиппи.

Друзья не сдали Майкла (а то остался бы он без самой важной части тела, а то и вовсе пришлось бы с жизнью распрощаться), но колонии пришел конец. Их хижины разрушили и сожгли, барабаны и флейты сломали, а самим велели убираться к черту на рога. Было очевидно, что ни в городке, ни на плантации работы им больше не дадут, и ничего не оставалось, как искать на побережье новое пристанище, где-нибудь подальше на западе, или начать новую жизнь, какую-нибудь совсем-совсем другую. Майкл выбрал второе,

потому что *эта* жизнь без Анабель больше не имела для него ни радости, ни смысла. Ему казалась предательством сама мысль о том, чтобы жить как прежде, наслаждаться морем, солнцем и свободой, в то время как его любимая страдает взаперти. И он отправился в столицу острова Оу.

6

О, эти сверкающие золотом шпили на крышах дворцов и храмов, эти гигантские стеклянные небоскребы, эта пестрая шумная толпа, пыль, духота и теснота столичных улиц... Неужели спустя столько лет он снова увидит все это хаотическое великолепие, эту завораживающе-страшную красоту города Шарн? Майкл сидел в шезлонге на палубе огромного корабля, в просторечии называемого паромом (ему всегда почему-то вспоминался при этом Харон), и любовался океанским закатом. Закат был красив, но как-то уж слишком кроваво-красен, и два темно-фиолетовых облака на горизонте напоминали очертаниями притаившихся гигантских крокодилов, готовых сожрать зазевавшееся солнце. Майклу отчего-то вдруг стало тревожно, и какое-то нехорошее предчувствие сдавило сердце. Он поплотнее закутался в плед и подумал, что неплохо было бы сейчас закурить, но нельзя, пока еще нельзя, да и сигарет здесь не продают, это ведь не остров Оу, на пароме все еще живут по Уэйским законам.

Утро настало какое-то белесое, почти хмурое, что стран-

но для этого времени года (как-никак начало лета), небо, затянутое дымкой, показалось Майклу равнодушным и совсем чужим. Золотые столбы Шарнской гавани не сверкали, а уныло желтели, и промелькнувшая мысль о трехнедельном пребывании в этом несчастном городе была отвратительна, как устрица в кармане.

С высоты верхней палубы люди, снующие по берегу, казались крохотными муравьями, а погрузчики и машины – игрушечными. Но Майкл знал, какие они на самом деле огромные и страшные, грохочущие, изрыгающие черный вонючий дым – он проработал полгода на таком погрузчике в порту, когда ему было 19. На Уэе пользовались только транспортными средствами, работающими от электричества. Это, конечно, очень экологично, но дорого, нефтяное топливо обходится дешевле. Наверное, из-за этой гари, выхлопных газов, такая дымка висит над городом. А может быть, это горе, ненависть и страдание многих людей, принявшие зримые формы.

Как бы там ни было, Майкл бодро сбежал по трапу на берег, притворяясь, что «сорок пять» – лишь пустой звук и к нему лично никакого отношения не имеет, отчасти перед самим собой, отчасти перед хорошенькой девушкой-гидом, приехавшей его встречать. Он вспомнил данное жене обещание ходить везде только с гидом и подумал, что, пожалуй, с удовольствием его выполнит.

– Здравствуйте, Майкл, меня зовут Мара, я буду вашим

гидом на острове Оу. Надеюсь, поездка на пароме была приятной и не утомительной?

– Да, спасибо, Мара, кстати, у вас очень красивое имя.

Девушка мило улыбнулась. Чуть-чуть слишком мило, как будто эта улыбка тоже была частью ее работы.

– Вы хотите сразу поехать в гостиницу или есть какие-то другие планы?

– Сначала в гостиницу.

Они ехали в машине Мары, за окном проносились в основном совершенно неузнаваемые пейзажи. Новые дома диких расцветок и причудливых конструкций: какие-то ромбы, пирамиды, шары и спирали из разноцветного зеркального пластика.

– Шарн сильно изменился за последние 20 лет.

– Вы не были здесь целых 20 лет?

– Даже больше.

– Да, город сильно изменился, если хотите, я могу провести для вас обзорную экскурсию.

– Спасибо, специальную экскурсию, пожалуй, не стоит, но пока мы едем, если не трудно, расскажите об этих странных домах, для чего они, кто в них живет?

– О, в них никто не живет, – рассмеялась Мара. – Это торгово-развлекательные центры. Разве у вас на Уэе таких нет?

– Торгово-развлекательные комплексы у нас есть, в центре каждого района, но у нас – по крайней мере, в нашем городе – каждый район выполнен в определенном архитектур-

ном стиле: строгий классицизм, готика, ампир, барокко, модерн и так далее. Правда, недавно построили новый квартал, R, на другом берегу реки, в стиле постмодерн, и говорят, там тоже много причудливых зданий, но я в нем еще не бывал, был слишком занят работой.

– Вы знаете, что все эти дома построены архитекторами с Уэя? Они очень любят сюда приезжать работать, потому что здесь они получают за свои безумные фантазии безумные деньги, и чем причудливее дом, тем больше нравится заказчику, а у вас им приходится считаться с хорошим вкусом населения и с разумными потребностями общества.

– Но зачем столько этих самых торгово-развлекательных центров, они ведь здесь буквально на каждом шагу!

– Потому что, если общество не имеет никакой перспективной идеи развития, оно становится обществом потребления. Потребление становится главной целью и единственным смыслом существования для людей.

– Ну, а развлечения?

– Развлечения – такой же объект потребления, как и все то, что продается в магазинах. Кстати, теперь магазины у нас называются «бутики». «Элитный овощной бутик», например, или «бутик эксклюзивной говядины Санчо Круглого».

– Да, действительно, забавно.

Тем временем, они подъехали к гостинице, предназначенной специально для граждан Уэя. Не шикарно, зато уютно и

безопасно. Майкл договорился, что встретится с Марой через час в холле, и они сходят для начала в одну из этих торгово-развлекательных стекляшек, посмотрят, как развлекаются жители Шарна.

7

Окно номера выходило на широкий проспект, по которому с бешеной скоростью сновали туда-сюда машины. Пешеходов было сравнительно мало, и это показалось Майклу непривычным и странным по сравнению с родным Океанополисом, где машин на улицах было очень мало, а люди в основном ходили пешком или ездили на велосипедах, роликах, электрических самокатах и т.п. Еще непривычнее было то, что сколько Майкл ни всматривался в даль с двадцатого этажа, везде были только дома, дома, и нигде ни пятнышка зелени, ни парка, ни даже садика. На Уэе города давно уже строили по единой модели: центр, где располагались важнейшие учреждения (мэрия, главная больница, телецентр, банк, театры, музеи и т.д.), был окружен парком шириной метров сто-двести, за парком начинались жилые районы в форме окружностей, также отделенные друг от друга парками, так что получалось как бы единое парковое пространство-море с островами-районами, и из одного конца города в другой можно было пройти прямо по парку, не выходя на «сушу». Каждый район, около километра в диаметре, состоял не бо-

лее чем из 20 домов (включая школу, поликлинику, супермаркет и пр.). В центре каждого района располагался торговый центр с различными магазинами и станцией метро под ним. Так что в любой отдаленный район можно было быстро попасть на метро, а до ближайшего удобнее было доехать на самокате. Необходимости в личном автомобиле у жителей не возникало, ведь всегда можно вызвать такси. Кстати, с тех пор, как ими стал управлять искусственный интеллект, процент аварий сократился практически до нуля. Во времена юности Майкла эта технология еще не была восстановлена, поэтому он сдавал на права, когда проходил службу в армии. Для поездки на Оу права оказались не лишними, потому что у них машины до сих пор на бензине и без автоматического управления.

Майкл подумал еще, что давно не видел таких грязных улиц. На Уэе за чистоту и порядок в парках отвечала специальная парковая служба, за порядок на улицах – районная администрация, а во дворах – домовый комитет. А здесь, на Оу, похоже, никто ни за что не отвечал, и уборка улиц уж точно не входила в число любимых занятий жителей Шарна.

Приняв душ и немного отдохнув, Майкл спустился в холл. Мара еще не подошла, и ничего не оставалось как пойти в бар, взять немного виски, сигарет (наконец-то, давно забытый вкус!) и посмотреть телевизор. Показывали местные новости. Убили очередного «авторитета» – представителя местной элиты, заведовавшего всей продажей наркотиков в

Шарне. Кровавые подробности (эти кадры в дневных новостях Уэйская цензура всегда вырезала) Майкла не особо интересовали, он отхлебнул виски, закурил и стал оглядываться по сторонам. Народу в баре почти не было, только в углу шушукались двое – толстые, с маленькими головами, свинными глазками и низкими лбами, оба в дорогих, но плохо на них сидящих костюмах и с портфелями из кожи крокодила. Местная элита. Интересно, что им делать в таком заведении, как бар «Стар Уэя»? Обычно они предпочитают безумно дорогие и безвкусные рестораны с какими-нибудь незатейливыми развлечениями типа голых официанток или танцующих медведей. Или за последние годы в их вкусах произошла перемена к лучшему? Что-то с трудом верится.

Внимание Майкла привлек еще один посетитель бара: примерно лет пятидесяти или чуть меньше, полностью лысый, с выпуклым лбом и цепкими пронизательными глазами. Он пристально смотрел на Майкла, а когда поймал его взгляд, кивнул, как старому знакомому, и указал на экран телевизора, где как раз показывали безутешную вдову наркобарона. Однако насчет ее безутешности репортеры, похоже, наврали. Вдова не плакала, а спокойно стояла и курила с таким видом, как будто ровно ничего необычного не произошло. Холеное лицо, выглядит чуть за сорок, спокойная и решительная линия рта, но темные очки мешают увидеть выражение глаз. И тут вдруг – в повороте ли головы, или может в движении руки, подносящей к губам сигарету, или в легкой

внезапной усмешке – он узнал Анабэль. Не может быть! Его Анабэль, после стольких лет... Нет, это просто невозможно!

– Первая любовь не ржавеет, – прошелестел над ухом чей-то голос. Майкл резко обернулся и увидел рядом с собой того лысого с глазами-буравчиками. Но прежде, чем Майкл успел что-либо сообразить и о чем-нибудь спросить, тот отвернулся со странной кривоватой улыбкой и вышел из бара. Майкл поднялся и поспешил за ним, но в холле его уже не было, как будто успел под землю провалиться или растаять в воздухе. Зато навстречу Майклу шла Мара. Ее темно-каштановые волосы были распущены и волнистыми прядями опускались чуть ниже плеч, черное короткое платье облегло стройную фигурку, а босоножки на длинных загорелых ногах задорно цокали острыми каблучками по мраморному полу. Майклу вдруг показалось, что эта девушка ему кого-то сильно напоминает, кого-то из его давнего прошлого, вот только кого – он не мог сообразить.

– Привет! Ну что, пойдём, погуляем?

– Привет, Мара! Позвольте для начала угостить вас чем-нибудь в баре, если вы не против.

– С удовольствием.

Виски и сигареты дожидались хозяина на барной стойке. Он заказал девушке мартини, а себе еще виски со льдом, чтобы немного прийти в себя после встречи со странным незнакомцем. Покосился на экран телевизора, но там уже показывали другой сюжет – про то, как какой-то пьяный идиот за-

давил на улице 10 человек, не справившись с управлением своего танкоджипа (теперь понятно, почему местные жители опасаются ходить пешком – просто не хотят быть задавленными очередным богатым придурком).

– Мара, вы курите? Можно угостить вас сигаретой?

– Спасибо, я курю свои. – Она достала пачку тонких коричневых сигарет, и Майкл поднес ей зажигалку.

– Вам, наверное, часто говорят, что вы очень красивая девушка?

– Иногда.

– Вы постоянно работаете гидом?

– Нет, только в сезон, когда большой наплыв туристов.

Ведь в столицу приезжают не только с Уэя, но и из других городов Оу. А так я преподаю в местном университете риторику.

– Вам нравится преподавать?

– Не очень. Наши университеты – это совсем не то, что ваши. У вас преподают философию, историю, литературу, искусствоведение, а у нас считается, что все эти гуманитарные предметы никому не нужны, от них никакой практической пользы, поэтому единственное, что еще как-то востребовано – это риторика и психология.

– Почему именно они?

– Потому что с помощью риторики можно запудрить мозги человеку и продать ему любой товар. То же и с психологией – их интересуется только практическая выгода, кото-

рую можно извлечь, овладев парочкой риторических и психологических приемов. Студенты в основном наглые, тупые и ленивые. Они готовы бездумно заучить наизусть некоторый (небольшой) объем информации, но категорически не желают думать. Это тупость и жлобство, воспитанные поколениями, передаваемые от отца к сыну, от деда к внуку.

– Как вы можете преподавать, если вам так не нравятся ученики?

– Ну, жить-то надо на что-то, и это далеко не худшая работа.

– Почему же вы не уезжаете на Уэй? Вам бы жилось там гораздо лучше!

– Я так не думаю. Давайте поговорим о другом. Например, о вас. Какие развлечения вы предпочитаете? У нас есть азартные, есть спортивные, есть всякие шоу, есть диско...

– Я люблю всего понемножку. Сначала посмотримся, а там решим.

8

Когда они вышли на улицу, солнце стояло в зените, и было изрядно жарко. Они пересекли улицу, дождавшись, когда машин будет поменьше, но все равно с некоторым риском для жизни, и направились к ближайшему торгово-развлекательному диву в форме гигантской улитки. Сначала решили пойти в тир (даже это вполне невинное развлечение на Уэе

было признано опасным и пробуждающим агрессивные наклонности, поэтому тиры были только для военных и полицейских). Мара стреляла из винтовки и не сделала ни одного промаха. Когда она наклонялась над стойкой, чтобы лучше прицелиться, Майкл не мог оторвать взгляд от ее очаровательной круглой попки.

– Вы просто снайпер! – воскликнул он в восхищении.

– О, нет, это уровень обычного среднего пользователя. Посмотрим, что вы сумеете сделать пистолетом.

– Последний раз я держал его в руках лет пятнадцать назад.

Однако результат был лучше, чем можно было ожидать. Всего один промах на обойму. Конечно, в армии от них требовали совершенно другого уровня подготовки: движущиеся мишени, скорострельность, стрельба в самых разных (и весьма неудобных) положениях, стрельба на бегу, и надо сказать, что в то время Майкл был на высоте, ребята из его взвода даже дали ему кличку Соколиный глаз. Но это было так давно...

– Что ж, неплохо справляетесь. – с улыбкой сказала Мара.

Затем они поменялись оружием. На этот раз оба стреляли без промаха.

– Этот блестящий результат нужно отметить! Очаровательная леди, не выпить ли нам по стаканчику?

– Отличная идея! На следующем этаже есть неплохой бар.

Они поднялись на этаж и зашли в бар под названием «Бао-

Бабы».

– По вечерам здесь часто бывает слишком весело, но днем вполне нормально. Это любимое место тех, кому за сорок, вы бы видели, как они отжигают на танцполе! Особенно женщины. Бывает, заиграет какая-нибудь их любимая песня годов девяностых, и сразу штук пять вылезут в середину зала, все толстенные, как настоящие баобабы, груди, как дыни, животы и задницы – как тыквы, и давай отплясывать! А мужчины рядом с ними выглядят как пигмеи: маленькие, худенькие, лысенькие... У нас почему-то после сорока почти все мужчины лысеют. Экология, наверное, плохая. А вот вы еще очень хорошо сохранились, на вид вам и сорока не дашь.

– Спасибо, Мара. Очень хотел бы задать вам встречный нескромный вопрос, но никак не решусь. – Майкл пустил в ход самую обаятельную из своих улыбок, чтобы его вопрос не был сочтен непростительным нахальством.

– Попробуйте угадать, – улыбнулась в ответ Мара.

– Двадцать один?

– Нет.

– Двадцать три?

– Нет, но уже теплее.

– Неужели двадцать четыре?

– Двадцать пять! Недавно исполнилось.

– Что ж, давайте выпьем за вас и за неувядающую красоту юности!

Они выпили за Мару, потом за Майкла, потом за радость

жизни. После третьего коктейля решили сделать паузу и продолжить экскурсию по развлечениям.

– Можно сходить в боулинг или в бильярд, или сыграть партию в аэрохоккей, – предложила Мара.

– Эти развлечения есть и у нас, а кроме того, если вы играете в бильярд так же хорошо, как стреляете, то у меня не будет шанса на реванш, – сказал Майкл с улыбкой. – Кстати, кто вас научил так стрелять? Или этому тоже учат в ваших университетах?

– Нет, меня учил отец.

– А чем он занимается?

– Он инженер, физик, что-то проектирует для одного горнодобывающего комбината.

– Почему он работает здесь, а не на Уэе?

– Его выслали.

– За что?

– Точно не знаю, это было еще до моего рождения.

– И он вам не рассказывал?

– Он не любит об этом говорить. Однажды сказал, что в юности был большим дураком.

– И все?

– Да.

– И поэтому вы не хотите уехать на Уэй, из-за отца?

– Отчасти поэтому. Давайте поднимемся на самый верх, там есть отличный ресторанчик, практически под открытым небом, а сейчас как раз приближается время обеда.

– Хорошо. Я действительно немного проголодался.

Они поднялись на лифте на последний этаж. Погода тем временем совсем разгулялась, солнце давно растопило утреннюю дымку, и небо приобрело подобающий ему синий цвет. Легкая пластиковая солнцезащитная крыша ресторана была приподнята, и свежий ветерок прогуливался по залу, потрепывая белые скатерти на столах и волосы посетителей.

Майкл решил попробовать что-нибудь из местной кухни, и ему принесли чудовищно проперченный кусок мяса, рис с тушеными овощами, тоже с изрядным количеством перца, два лимона и водку из кактуса, которую, согласно местной рекламе, пьют только настоящие мачо. «Мачо не плачут» – вспомнилось вдруг Майклу, когда он тайком утирал слезы, выступившие на глазах после первой рюмки этого адского пойла. Мара заказала себе паэлью и бокал белого вина Уэйского производства.

За обедом ничего интересного не происходило, если не считать того, что в поле зрения Майкла опять появился один из свинообразных субъектов, виденных им в баре гостиницы «Стар Уэй». Но он приписал это явление случайному совпадению.

Майклу хотелось побольше узнать о Маре, расспросить ее о семье, о работе, о ее повседневной жизни, и не только потому, что ему были интересны обычаи жителей острова Оу. Ему была интересна сама Мара, она нравилась Майклу. Он сам удивился той легкости, с которой признался себе в этом.

Ведь он никогда не изменял своей жене, за все годы совместной жизни ему ни разу даже не пришла в голову мысль о романе с другой женщиной. Выходит, жена не зря боялась его отпускать? Ну, безобидный флирт – это ведь не измена, почему бы и не позволить себе, отпуск так отпуск, ведь ничего серьезного быть не может... Зачем этой юной красивой девушке такой старик?

Мара между тем думала о том, что Майкл сильно отличался от мужчин, окружавших ее на Оу. Высокий, стройный, подтянутый, моложавый, о возрасте напоминает только легкая седина на висках. Умное, интеллигентное лицо, голубые глаза, красивый нос с небольшой горбинкой, упрямый подбородок с ямочкой. Майкл казался Маре сильным и мужественным, но в то же время не жестоким, не грубым, как мужчины с Оу. И еще он почему-то напомнил Маре ее отца, наверное, тем, что в нем тоже были сразу видны независимость, уверенность и чувство собственного достоинства, так нехарактерные для большинства жителей Оу. Отец говорил ей, что на Уэе все люди подчиняются закону и твердо знают, где начинается и где заканчивается их свобода, в чем состоят их права и обязанности. В рамках этой свободы они чувствуют себя уверенно и спокойно. На Оу же единственное право – право силы, а главная обязанность – подчиняться сильнейшему, если хочешь выжить. Естественное человеческое достоинство постоянно находится под угрозой, и человек либо вынужден постоянно подвергаться унижениям и страдать от

бесправия, либо он начинает унижать и попира́ть права других людей, более слабых. Отсюда это неприятное сочетание наглости и робости, хамства и чрезмерной услужливости в жителях Оу: постоянный страх унижения и постоянное желание утвердить себя, свое право, свою личность, но за счет унижения других. Отец говорил, что это психология рабов, и что настоящая свобода – не в том, чтобы делать только то, что хочешь, не подчиняясь никому и ничему, а в том, чтобы не зависеть от собственных страхов и низменных инстинктов.

За обедом Майкл и Мара разговаривали мало, погруженные каждый в свои мысли, Майкл понимал, что не стоит слишком приставать к девушке с расспросами о ее жизни, время для этого еще не пришло. За сегодняшний день он и так узнал о ней немало. Любопытно, что она упомянула об отце, а о матери ничего не говорила. Наверное, ее мать в юности тоже была красавицей. Интересно, она родилась на Оу или же была когда-то гражданкой Уэя, сосланной за преступления или решившей разделить судьбу любимого мужа? В Маре было что-то отличавшее ее от девушек с Оу, чувство собственного достоинства, врожденное благородство, грациозность и прелесть вместо грубой чувственности местных красоток. И еще необычные, слегка раскосые, загадочные зеленые глаза Мары, от которых ему было так трудно оторвать свой взгляд...

На очереди была рулетка. Майклу давно хотелось узнать, насколько фортуна к нему благосклонна, а заодно проверить одну любопытную теорию случайных чисел. Мара не стала делать ставку, просто стояла рядом и наблюдала за игрой. Сначала Майклу не везло, но в конце концов, теория себя оправдала (главное – не терять хладнокровия), и через некоторое время он выиграл довольно приличную сумму.

Победу было решено отпраздновать в одном уютном маленьком кабачке недалеко от гостиницы, где продавали домашнее вино в красивых глиняных кувшинах, на столиках горели свечи, а по выходным еще и играли музыканты. Это был как раз такой день, но музыка была приятной и негромкой, так что можно было говорить друг с другом не напрягаясь. Мара спросила, почему Майкл остановился и не стал продолжать игру, когда удача как раз повернулась, наконец, к нему лицом?

– Потому что иначе можно легко увлечься, потерять хладнокровие и втянуться. Я боюсь любой сильной вовлеченности, когда теряешь контроль, заходишь так далеко, что уже невозможно повернуть назад. Когда пройдена точка невозвращения.

– То есть вы стараетесь всегда оставаться хладнокровным, равнодушным, невовлеченным? А где же тогда удовольствие?

– Нет, как раз равнодушным я не остаюсь. Равнодушный вообще не получает удовольствия, ему все скучно, все заранее надоело. Нет, для меня важно осознать наслаждение в полной мере, но при этом уметь вовремя остановиться, пока не началось пресыщение, отторжение или, наоборот, зависимость. Вот, например, как легко объесться сладким: пока ешь – наслаждаешься, а потом тошнит. Или алкоголь, еще более точный пример. Ничего плохого нет в алкоголе, если соблюдать меру, но стоит расслабиться и потерять контроль, и начинается кошмар.

Ну, хорошо, а где эта, как вы говорите, точка невозвращения? Как ее определить?

– Интуитивно. Просто почувствовать.

– Это не всегда удается.

– Нужно доверять себе, прислушиваться к себе, ну, и самоконтроль, конечно. Не расслабляться.

– Да это каторга какая-то, кабала! Все время прислушиваться, быть настороже, в напряжении, ни расслабиться, ни оторваться как следует... Что это за жизнь?! Ни радости, ни свободы.

– Видимо, мы немного по-разному понимаем свободу и радость. Свобода – это не «что хочу, то и ворочу, как желаю, так и лаю», а осознанный самостоятельный, ответственный выбор. А выбор – это всегда отказ от чего-то одного в пользу другого. В данном случае – отказ от секундного удовольствия ради сохранения здоровья и чистоты сознания (В это

время Майкл жестом отказывается от нового кувшина вина, предложенного официантом).

– И тем не менее у вас под запретом крепкий алкоголь. Какая же тут свобода выбора и добровольное самоограничение? За вас уже все решили.

– К сожалению, не все люди обладают достаточной сознательностью и твердой волей. Поэтому, чтобы не вводить их в искушение... Тем более, что напиться до бесчувствия при желании можно и вином. Так что свобода выбора есть всегда, при любых обстоятельствах. Мы воссоздали нашу жизнь из руин и пепла, мы создали такой мир, в котором хотели жить, о котором с древнейших времен мечтало человечество, это ли не радость?

– Да, у вас спокойная, красивая, чистая жизнь, но вот есть ли в ней счастье? Не сытое довольство, а такое, чтоб как солнце, как небо, бесконечное, безумное, острое... Остановись, мгновение! Чтобы хотелось умереть в ту же секунду или наоборот – жить вечно...

– Не знаю. Так, как ты описываешь, я был счастлив только однажды, много лет назад, здесь, на Оу. Но я был тогда молод... Наверное, такое безумное счастье возможно только в молодости. И только здесь. Но там, на Уэе, там есть другое – радость творчества, созидательного труда, дружбы, семейное счастье...

– Но ведь этого мало! Чего-то тебе все-таки не хватало в той жизни, иначе бы ты не приехал.

– На свете счастья нет, но есть покой и воля...

– Мне кажется, их уже давно поделили между нашими островами: у вас – покой, у нас – воля.

– Что ж, за это и выпьем!

10

Время летело незаметно. Интересная беседа, красивая де-вушка... Майкл подумал, что невольно начинает слишком увлекаться вопреки собственным словам о невовлеченности и внутренним установкам. Стало быстро темнеть, и Мара предложила пойти прогуляться по набережной, подышать свежим воздухом с океана.

На набережной былолюдно, шумно и весело, только это было какое-то лихорадочное веселье, как будто каждый больше всего на свете боялся остаться один в тишине, остановиться, задуматься хоть на секунду – только не это! Во что бы то ни стало веселиться, музыку погромче, побольше цветных огней, и двигаться, двигаться без остановки! Беги, кролик, беги...

Ночная жизнь города завораживала и немного пугала, ее пульсирующий ритм как бы проникал внутрь организма, заставляя сердце биться иначе, будоража нервные окончания. Все это довольно быстро утомило Майкла с непривычки, да еще они с Марой договорились на следующее утро поехать в горы, так что решено было возвращаться в отель. Майкл

предложил проводить Мару, но она отказалась, сказав, что возьмет такси от отеля.

Уже лежа в постели, Майкл долго не мог заснуть. Думал о Маре, потом о жене, потом об Анабель. Да, неужели это была она – та жена убитого олигарха? И еще этот лысый... Чего он хотел? Что он знает? Да кто он вообще такой? Сплошные загадки. Стоит ли забивать этим голову? Определенно, не стоит. Вот только Анабель... Но ведь столько лет прошло, зачем он ей? А она ему? Но ведь он за тем и ехал, в глубине души мечтал с ней увидеться, поговорить, разве нет? Мечтал об Анабель, а встретил Мару. И тот давний милый образ как бы заслонился новым. Но ведь с ней ему ничего не светит, это же понятно, она просто очень милая девушка и хорошо выполняет свои обязанности персонального гида. Но это не мешало Майклу думать о ней, воображать, как выглядит ее обнаженное тело и какое наслаждение оно может подарить.

11

Утром едва не проспал, пришлось шевелиться очень быстро: душ, одеваться, собирать необходимые для поездки вещи, завтракать, хотя с утра и не хотелось, но Майкл понимал, что потом не скоро удастся поесть, а чувство голода всегда портило ему настроение.

Когда он появился в холле, Мара уже была на месте, но в ответ на его извинения за опоздание сказала, что сама подь-

ехала меньше минуты назад. Пока шли к машине, он краем глаза отметил еще одного субъекта в сером костюме, выходящего из отеля и садящегося в припаркованный неподалеку танкоджип. Ну, мало ли, какие у него там были дела, Майкл решил не параноить и не придавать значения. Просто ему не нравятся танкоджипы и их водители, и уж тем более – их хозяева.

Погода стояла замечательная, и поездка обещала быть очень приятной. Майкл чувствовал себя школьником на первой в жизни экскурсии. Предполагалось доехать до Ильских гор, заночевать в гостинице, а утром пойти поохотиться. Ружья можно взять напрокат уже на месте.

Вскоре возделанные поля вокруг города уступили место лесистым предгорьям. За очередным поворотом дороги открылась небольшая уютная долина, в глубине которой виднелись бревенчатые стены кемпинга. Поставив машину на стоянку, они зарегистрировались и, немного перекусив в местном кафе, решили прогуляться по окрестностям, пока просто присмотреться к местности.

За одним из холмов, окаймлявших долину, они увидели реку, текущую с гор, с очень живописными берегами и решили прогуляться вдоль нее вверх по течению. Сначала вдоль берега даже намечалось что-то вроде тропинки, но затем идти стало труднее, и Майкл уже хотел предложить повернуть назад, но Мара сказала, что можно пройти еще немного, впереди, судя по шуму воды, должен быть водопад, будет инте-

ресно на него взглянуть. Вскоре они действительно дошли до водопада, в том месте река вытекала из небольшого озера. На берегу сидел старик с удочкой.

– Добрый день! Мы вам не помешаем? – поприветствовал его Майкл.

– Добрый. Нет. Вы из долины?

– Да, из кемпинга. А вы живете здесь?

– Неподалеку. А вы из Шарна?

– Я там живу, а Майкл приехал с Уэя.

– С Уэя?! Вот это да! Я давненько не встречал никого отсюда. Здесь в кемпинге отдыхают всё больше местные. Надо же, занесло вас в такую глушь. Охотиться, наверное? Да, как инстинкты не укорачивай, а все равно до конца не поборешь. Я ведь и сам уроженец Уэя. Не сосланный, не волнуйтесь, – добавил он, видя легкое беспокойство в глазах Майкла. – Я сам выбрал свой путь.

Майклу стало интересно. Он ведь тоже в свое время по своей воле уехал на Оу, а потом вернулся. И теперь вот снова приехал, наверное, в поисках ответов на самые важные жизненные вопросы. Поэтому встреча показалась ему судьбоносной. А старик, судя по всему, был не прочь поболтать.

Майкл хотел было подойти поближе к камню, на котором сидел старик, чтобы расположиться на соседнем и поговорить, не торопясь, но оступился, неловко наступил на ногу и упал. Ногу пронзила резкая боль.

– Кажется, я вывихнул ногу. Черт! Как неудачно!

– Городские... Вот и порыбачил. Что ж, пойдёмте ко мне, тут не далеко, посмотрим, что с вашей ногой, старуха моя направит, если что. Она у меня врач!

– Так неудобно получилось, что мы вас побеспокоили, простите!

– Ничего, ничего, обопритесь на меня с одной стороны, а на девушку с другой, доковыляем как-нибудь. Не беспокойтесь, моя старуха даже рада будет гостям.

Действительно, проковыляв метров триста по лесной тропинке, опираясь на своих спутников, Майкл увидел симпатичный бревенчатый домик, прямо как из сказки, на крыльце сидела старушка, ясноглазая и улыбчивая. Увидев путников, она вскочила, всплеснула руками и поспешила им навстречу.

– Вот, Бетти, гостей привел, принимай! – проворчал старик.

Старушка провела их в дом, усадила, развела было суету и охи-ахи по поводу распухающей ноги Майкла, но потом весьма ловко и профессионально вправила вывихнутую щиколотку, перевязала, и Майкл сразу почувствовал себя гораздо лучше.

Их угостили парным молоком, яичницей с ветчиной и жареным бататом. Потом старик притащил бутылку самогона. Мара отказалась, старушка тоже, а Майкл решил выпить рюмочку.

Побеседовав о том о сем, рассказав последние уэйские но-

вости, Майкл плавно подвел разговор к причине переселения пожилой семейной пары на Оу.

– Я уехал оттуда по своей воле, точнее, по воле обстоятельств. Я не мог поступить иначе, – сказал старик. – А жена приехала за мной, когда я исполнил клятву.

– Клятву?

– Да. Мне до сих пор тяжело об этом вспоминать, но... Если вам действительно интересно, я расскажу. Ты не против, Бетти?

– Что ж, расскажи.

– Расскажите, пожалуйста, – попросила Мара.

– Это случилось много лет назад. У нас была дочка. Такая добрая, красивая девочка... Ей было 15 лет, однажды она ушла гулять и не вернулась. Мы сначала даже не думали, что случилось что-то плохое, вы ведь знаете уровень безопасности на Уэе, везде камеры слежения, да и люди в целом привыкли вести себя цивилизованно, помнят о клятве гражданина, знают, что наказание неизбежно. Но человек, несмотря на всю его цивилизованность – все равно животное в глубине души. Дикое и жестокое. Нашей девочке просто не повезло, что она была такая хорошенькая и такая доверчивая... Этот мерзавец, сынок мера Хиллвилла, положил на нее глаз на вечеринке, потом предложил подвезти до дома, в машине начал к ней приставать, она сопротивлялась, но он изнасиловал ее и задушил из страха. Его, конечно, нашли, был дикий скандал...

– Да, помню, я читал об этом в газетах, мера, конечно, сняли с должности, а его сына выслали на Оу навечно.

– Да, с одной стороны, надо отдать должное Уэйским законам, перед ними все равны, будь ты хоть президентом, хоть водопроводчиком. В древнем мире (до Катастрофы) эту историю, скорее всего, замяли бы, потому что, при всех их потугах на демократию и законность, не могло быть равенства перед законом при социальном и имущественном неравенстве. Все равно, у кого денег больше, тот и прав. Но, с другой стороны, слишком уж мягкие у нас законы. Да, они мягкие для всех, потому что мы гуманное общество, и жизнь каждого человека – ценность. И понятно, что высылка навечно – не сахар, но это ничтожно малая плата за жизнь моей девочки. В конечном итоге он мог бы со временем и здесь неплохо устроиться, могли и убить, конечно, или в рабство бы попал, но большой надежды на это у меня не было. Я решил поехать за ним на Оу и убить его сам, своими руками. И я сделал это. И я не жалею. Но после этого я уже не мог вернуться на Уэй и жить прежней жизнью, как будто ничего не было, как будто не я убил этого мальчишку. Мне до сих пор иногда снится его цыплячья шея, его взгляд, полный животного ужаса. Мне тошно стало находиться среди людей, я никого не хотел видеть, ни с кем общаться. Жена приехала ко мне и поддержала мое решение остаться. Мы живем здесь в лесу уже двадцать лет. Нам вдвоем немного надо: огородик есть небольшой, я охочусь, рыбу ловлю, иногда продаю, кроликов, вот,

разводим. Тишина, покой.

– Очень сочувствую вашему горю, – сказала Мара, Майкл согласно кивнул и сказал:

– Но не тяжело ли вам будет через несколько лет, все-таки хозяйство без молодых сильных рук... Может быть, пора подумать о возвращении?

– Нет, мы не вернемся. Эти горы, этот лес, эта река... мы полюбили их, они стали нам родными. Мы привыкли к тишине и одиночеству, это наш воздух, наша свобода. Мы не хотим ни от кого благодеяний, даже от чистого сердца, мы просто хотим умереть на этой земле.

– Что ж, я отчасти вас понимаю, – сказала Мара.

А Майкл подумал, что уэйцы, пожалуй, чувствуют иначе. Они любят родину но как бы абстрактно, как идею, и готовы ее защищать не жалея жизни, в случае необходимости, правда, такой необходимости не возникало уже почти сотню лет. А вот особая любовь к своему дому, своему двору, своей земле – этого нет, ведь это и не свое по большому счету. Люди не имеют жилья в собственности и все время переезжают. Когда человеку исполняется 18 лет, он получает для проживания студию или переезжает в университетский кампус, потом, если захочет зарегистрировать с кем-то совместное проживание, им выделяется двухкомнатная квартира, потом, если появляются дети – трехкомнатная и т. д. Если вдруг люди расходятся, съезжают с общей квартиры и получают отдельные. Но разводы – не такое уж частое явление, пото-

му что браки по расчету и прочие мерзости древнего строя остались в прошлом. Вообще брак как таковой практически перестал существовать. Люди просто общаются, встречаются, и только если уж действительно находят родственную душу, вторую половинку, тогда регистрируют совместное проживание, вне зависимости от пола, а уж кем они друг другу приходится, любовниками или просто друзьями (такое тоже не редкость), это никого не касается. Некоторые особо религиозные проводят обряды венчания согласно канонам своих религий, но Уэй – светское государство, поэтому большой роли они не играют.

Внезапно в дверь постучали. Хозяин пошел открывать дверь. На пороге появился высокий крупный мужчина. Буркнув что-то отдаленно напоминавшее приветствие, он бросил хмурый взгляд на Майкла и Мару и обратился к старику:

– Где рыба?

– Сегодня не удалось наловить.

– Слушай, это твои проблемы. Хозяин ждет свою рыбу. Может мне предоставить ему твою задницу, если нет рыбы, а?

– Боюсь, она придется ему не по вкусу.

– Он еще умничает! Дармоеды! Рыбы нет, а они с гостями чай гоняют!

– Послушайте, любезный! – Вмешался Майкл, хотя Мара

предостерегающе слегка пнула его ногой под столом. – На каком основании вы нарушаете покой этих почтенных людей и при этом грубите?

– Ты кто такой, чтобы пасть тут открывать?! Захлопнись и не лезь не в свое дело.

– Это подручный местного авторитета, – объяснил Майклу старик. Вся земля здесь ему принадлежит, поэтому каждый, кто тут живет, должен платить дань. С нас много не возьмешь, ну, грибы там, ягоды, варенье, рыбу вот ловлю, он любит свежую рыбку.

– А еще он не любит дармоедов. И выгонит вас отсюда завтра же, если не получит свою рыбу.

– Ясно. Ну, раз рыбы все равно нет, давайте попробуем как-то уладить это дело миром, – предложил Майкл. – Может быть, деньги вас устроят?

– Умник... Деньги... – проворчал верзила. Хозяин рыбу ждет! Хотя... Ладно, давай деньги. Двести флоринов.

– Рыба на рынке, даже самая крупная, стоит не больше пятидесяти.

– Тогда, может, ты, умник, метнешься кабанчиком на рынок и вот прямо сейчас раздобудешь мне рыбу? Нет? Тогда не свисти. Двести и точка.

Майкл достал деньги из кармана. Верзила взял их и ушел, предупредив стариков напоследок, что это в последний раз и таких дармоедов тут долго терпеть не будут.

Старики смущенно благодарили Майкла, тот отмахивал-

ся, дескать, пустяки.

– Все-таки это ужасно несправедливо, – возмущалась Мара. – Неужели они не могут оставить вас в покое? Кому вы мешаете в этой глуши?

– Справедливо – не справедливо... Тут дело принципа. Хочешь жить, умей платить. А что до справедливости, то я вообще не знаю, есть ли она на свете. Может, я старый слишком, жизнью битый, молью траченный, может вы, молодые, лучше понимаете, да и мне заодно объясните? Что такое вообще справедливость? Когда всем поровну или когда каждому по заслугам?

– Всем поровну.

– Каждому по заслугам.

Майкл и Мара ответили одновременно и смущенно переглянулись.

– Я могу объяснить, – начал Майкл. – Дело в том, что у нас материальные ценности не связаны безусловно с социальным рейтингом. Поэтому материальных ценностей у всех примерно поровну, а вот социальный рейтинг действительно отражает заслуги. Его можно при определенных условиях монетизировать, но есть ограничения. Например, когда собираешься в отпуск, часть социального рейтинга переводишь на денежный счет, и в отпуске можно позволить себе немного больше, чем другие. Но там очень сложная система расчета рейтинга и его компонентов, какую-то часть можно переводить, какую-то нельзя, но искусственный ин-

теллект все это сам считает, очень удобно. Это я к чему. Когда материальные блага распределялись не поровну, это порождало социальное неравенство, несправедливость и угнетение. Даже если один, условно, переделал 100% работы, но потратил на эту работу 60% своих сил, а другой сделал 60% той же работы, но при этом растратил все силы и падает с ног от усталости. Кто из них больше поработал? Справедливо ли урезать паек человеку, который выкладывается на работе на все 100, но от природы слабее других? Нет. И это еще самый простой случай. А возьмем посложнее. Например, ты изобрел супер оружие, которое помогло одолеть врагов, ура, мы победили. А через сто лет этим оружием будет уничтожена вся жизнь на планете. Упс. А я, например, сделал открытие в биологии, которое осталось незамеченным, но через сто лет к нему вернулись и на его основе изобрели лекарство от смертельной болезни. Или кто-то еще, например, напишет книгу, казалось бы, что такое книга? Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать... Но люди, прочитавшие ее, сумеют построить новое счастливое и справедливое общество.

– Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется, – с улыбкой проговорила Мара. – На самом деле с этим трудно поспорить. Просто я никогда об этом всерьез не задумывалась. Но вот вопрос: не обидно ли, например, очень способным и трудолюбивым людям, что они получают примерно столько же, сколько и неспособные и не очень трудолюбивые?

– У нас нет неспособных. Каждый человек к чему-нибудь да способен. Даже инвалид. Просто нужно раскрыть его способности и найти ему подходящее дело. У нас система отлажена неплохо в этом плане. Что касается лени, то да, с этим качеством иногда бывает трудно. Но нам с детства внушают, что нужно делать свое дело хорошо, что лениться стыдно, тем более, четырехчасовой рабочий день – это не так уж тяжело, чтобы возникло сильное желание лениться. Каждый может подобрать себе удобный график, с 8 до 12, с 12 до 16, с 16 до 20 и т.д. Некоторые предпочитают даже отрабатывать двойную смену, а потом целый день отдыхать. Легко подменять друг друга, если кто-то заболел. Впрочем, да, встречаются и патологические случаи, когда человек просто не хочет работать или считает, что он чем-то гораздо лучше всех остальных и достоин гораздо большего. Что ж, ему настойчиво рекомендуют уехать на Оу, иногда даже высылают принудительно на определенный срок. Некоторых это излечивает, они возвращаются и становятся нормальными членами общества, некоторые остаются на Оу навсегда. Важно, что у них есть право выбора. Я читал, что в древности уже однажды пытались построить общество наподобие нашего, но главной ошибкой этих людей было то, что они хотели осчастливить человечество насильно, всех подряд по единому шаблону, без разбора. А человеку свобода нужна. Свобода выбора.

– Это точно. Но нам надо возвращаться, Майкл.

– Мара, это невозможно, – вмешалась Бетти, – Ногу Майклу нельзя беспокоить еще несколько часов, вам нужно переночевать у нас, а уже утром нога подживет, и вы сможете вернуться.

– Я вас никуда не отпущу, – подтвердил ее муж. – Во-первых, скоро стемнеет, и вы заблудитесь или кости себе переломаете впотьмах, Во-вторых, у нас в пристройке отличный сеновал, будете спать как младенцы.

– Вот вам и свобода выбора, – рассмеялась Мара.

– Ну, вы же не на Уэе, – улыбнулась Бетти.

Насчет «как младенцы», хозяин, конечно, преувеличил. Во-первых, москиты. Эти крылатые твари как-то пробирались внутрь пристройки через щели и противно зудели над ухом. И пребольно кусались, надо сказать. Во-вторых, сено щекоталось и кололось. В-третьих, какие-то животные – Мара сказала, что это, наверное, шакалы – плакали и хохотали в лесу довольно громко. «Господи, верни меня в желанный плен цивилизации, – взмолился про себя Майкл. – Природа – это очень мило, конечно, но я бы сейчас многое отдал за горячую ванну и герметичный номер с кондиционером в гостинице».

Маре тоже не спалось. Она думала о Майкле. «А он смелый, не побоялся спорить с этим громилой. И щедрый. Так вот запросто выложить двести флоринов за едва знакомых людей... Конечно, они нас приютили, вправили ему ногу, но

сумма все равно немаленькая. И умный. При этом не пытается кого-то осадить, задавить интеллектом, унижить. Просто и понятно все объясняет, даже ребенок бы понял. Прямо идеальный мужчина какой-то... Так. Хватит. Это всего лишь работа, нечего себя накручивать. И он женат к тому же. Вернется на свой Уэй и позабудет всё моментально. Тоже мне, дама с собачкой нашлась. Тем более, даже собачки у меня нет. Одни шакалы, вон, смеются надо мной. Дура».

Вдруг Маре показалось, что кто-то ползет по ее ноге. Она вскрикнула. Майкл тут же вскинулся и зажег фонарик.

– Мне кажется, кто-то полз по моей ноге. Какое-то животное.

Луч света выхватил мышку, притаившуюся на сене.

– Тьфу, напугала!

– Ты боишься мышей?

– Нет, мышей не боюсь, но я же не знала, что этомышь.

Тут кто угодно может быть...

– Ага, сороконожки, змеи, крокодилы...

– Особенно крокодилы. Один вот передо мной.

Оба смеялись, давая выход пережитому испугу. Неожиданно Майкл притянул ее к себе.

– Мара, Мара, ты мое сладкое наваждение, волшебница, повелительница ночи... Ты знаешь, что на одном из древних, давно забытых языков твое имя было именем богини ночи, посылающей на людей страшные и сладкие видения? Мара, морок, мираж... Ты мне не мерещишься, нет?

– Нет, я настоящая. Вот, потрогай!

Каждое прикосновение рождало сладкий трепет. Оба не могли больше противиться взаимному притяжению. Случилось то, что, наверное, было predetermined. И даже крики шакалов им больше не мешали, а, можно сказать, служили своеобразным аккомпанементом.

12

Лучи утреннего солнца пробивались сквозь щели тоненькими золотыми полосками.

– Знаешь, так странно, второй раз в жизни я вывихнул ногу, одну и ту же, кстати, и для меня в тот раз это событие оказалось судьбоносным и, можно сказать, спасло мне жизнь. И этот раз, кажется, тоже судьбоносный. Удивительная штука жизнь.

– Расскажи про первый раз.

– Обязательно, но не сейчас. Пожалуй, мы и так злоупотребили гостеприимством хозяев, пора уже и восвояси.

– Ты сможешь дойти?

– Да, нога уже совсем не болит, если осторожно и не топаясь, то дойду.

Они позавтракали в компании хозяев, потом старик, взяв удочку и вручив Майклу крепкий деревянный посох, чтобы было легче идти, проводил их до водопада. Тепло попрощавшись с ним, стали осторожно спускаться по тропке к долине. Выйдя из леса, передохнули на опушке в тени послед-

них деревьев, потому что солнце стало уже изрядно припекать. Оставшаяся часть пути была сложной, потому что солнце пекло немилосердно, подъем на холм дался особенно тяжело, нога Майкла опять сильно разболелась.

«Вот и поохотились, – подумал Майкл. – Впрочем, не было бы счастья, да несчастье помогло». Ведь если бы не нога и не ночевка на сеновале, он бы, наверное, не решился раскрыть Маре свои чувства, и не было бы тогда этой волшебной, удивительной, прекрасной ночи.

Добредя кое-как до отеля, разошлись по номерам отдыхать. Мара набрала ванну с пеной и два часа лежала в ней и размышляла обо всем, что случилось накануне. А Майкл завалился спать. Проснулся часа через три относительно бодрым и зверски голодным. Принял душ, оделся и постучал в дверь комнаты Мары. Она открыла ему, одетая в длинную футболку, едва прикрывающую попу. При виде нее другой голод, посильнее желудочного, охватил Майкла. Она прочитала это в его глазах и улыбнулась. Следующий час они провели вместе. Потом отправились в ресторан при гостинице в поисках ужина.

– Я, кажется, целого поросенка готова съесть, – сказала Мара.

– А я – слона, – ответил Майкл.

Народу в ресторане почти не было, только в дальнем углу заседали два мрачных субъекта, один из которых, при виде Майкла и Мары, вышел из зала. Еще за одним столиком си-

дела пожилая семейная пара, а за другим какой-то потрепанный жизнью мужик средних лет.

– То ли не сезон, то ли бизнес у них не особо процветает, – заметил Майкл.

– Попозже, наверное, подтянутся, еще довольно рано.

Они заказали две порции рагу фейжоада, акараже с крабами и пирожные с манго и взбитыми сливками на десерт. Еще взяли по бокалу красного вина.

Мара знала, что у Майкла практически нет наличных денег, ведь он отдал их вчера тому типу, поэтому предложила заплатить за обоих. А по возвращении в Шарн Майкл снимет наличные в гостинице и вернет ей. Все бы ничего, но то, что по счету расплачивалась она, а не Майкл, привлекло внимание мужика за соседним столиком. Он подозвал официанта и громко, чтобы все вокруг услышали, спросил:

– А что у вас тут ресторан для альфонсов?

– Простите?

– Девушка платит, а этот хмырь рожу в тарелку опустил, как будто так и надо. Слышь, ссыкло, я про тебя говорю.

Майкл понял, что мужик ищет повода для драки. Если бы не нога, он бы, наверное, даже не прочь был размяться, вспомнить молодость, драки в портовых кабаках Шарна. Но на Уэе он успел настолько отвыкнуть от всего этого, да и потерять квалификацию, чего уж тут скрывать. Уверенности в победе не было. Но и выглядеть жалко в глазах Мары не хотелось.

– Послушайте, почему бы вам не заняться своими делами и не лезть в чужие? – спросил он ровным спокойным голосом.

– У меня что, на лбу написано «Дай мне совет»? Нет, у меня на лбу написано «Пошел ты нахуй».

– Вы не могли бы не выражаться при даме? Это не совет, это просьба.

– Мадам, я в глубоком пардоне! Примите, то бишь, мои извинения! – поклонился Маре потрепанный субъект. – Но я не понимаю, что такая красивая женщина делает рядом с этим...

– Это мой гость с Уэя, я вас прошу перестаньте его задирать. И если уж вам так важно знать, я заплатила за нас обоих, потому что он вчера отдал все свои наличные деньги бедному старому рыбаку, чтобы тот мог расплатиться с вымогателями.

– Это которому? Тому, что за водопадом живет?

– Да.

– Ааа... Хороший мужик, знаю его. Ладно, был неправ, раскаиваюсь. Давайте водки выпьем! За знакомство. Угощаю!

– Мы не знакомы.

– Так давайте познакомимся. Меня зовут Серх.

Майкл слегка поколебался, не послать ли все же назойливого собеседника, но решил, что проще будет немного выпить и спокойно разойтись, тем более, что мужик-то, кажется,

ся, не плохой, просто, ну, такой типичный человек с Оу, легкий и на ссору, и на дружбу, готовый и пропить последнюю рубашку, если душа просит, и заработать кучу денег упорным трудом, хитроватый и простодушный, рубаха-парень, одним словом.

– Майкл.

– Мара.

– Эй, мальчик, водочки принеси нам! И закусончик организууй.

Официант быстро принес запотевший графин, рюмки, миску оливок, соленые помидоры, тонко нарезанное сало.

– Ну, будем! За вас, ребята!

– Будем!

– Вы откуда сами, отдыхаете здесь или по делам?

– Я из Шарна, а Майкл приехал отдохнуть с Уэя.

– Понятно. Я тут работал с одним вашим, ну, бывшим.

Там в горах лаборатория, они сейчас новый корпус строят, так вот, он там большая шишка. Я топограф по профессии, выставлял объект, замеры делал, туда-сюда, отработал, прихожу за деньгами, а эти падлы мне начинают затирать: то да се, понимаешь, нашего одного партнера грохнули, деньги увели, подожди, говорят, разрулим, все выплатим, не кипишуй. Вот я и сижу в этой дыре третий день уже, жду. Еще пару дней подожду, возьму автомат и пойду с ними по-серьезному разговаривать. Не, ну а че они, за лоха меня держат? Но этот ваш, уэйский, он нормальный мужик вообще, к нему

у меня никаких претензий, Алек его зовут.

– Алек? – удивленно переспросила Мара. – Физик, примерно сорока пяти лет, сосланный с Уэя?

– Да.

– Вот это совпадение! Майкл, представляешь, кажется, там работает мой отец! Он мне что-то говорил про лабораторию, я особо не вникала, если честно, он неделями пропадает на своей работе, только на выходные приезжает.

– Вооот, ты мне сразу понравилась, как тебя, Мара, да? Яблочко от яблоньки. Чувствуется та же железная хватка. Ты, мужик, с ней поосторожнее, если она правда в папашу своего пошла, то... любого пополам перекусит. Ну, выпьем за твоего папу, Мара!

Выпив, Мара сказала, что устала и пойдет спать. Майкл остался прикрывать собой амбразуру, потому что Серх хотел продолжения банкета и отпустил ее только с условием, что Майкл останется посидеть еще.

В зале тем временем прибавлялось народу и становилось душно. Майкл сказал, что выйдет подышать, и встал из-за стола. На улице было темным-темно, с гор долетал иногда свежий ветер, пели сверчки, а вдали вопили на разные голоса какие-то не то птицы, не то мелкие ночные зверьки.

– Слышь, закурить не найдется?

Майкл стремительно обернулся. У него промелькнули в памяти гоп-стопы и молодые беспредельщики Шарна, именно так окликавшие своих будущих жертв.

– Да не ссы! – рассмеялся Сергей, неслышно подошедший сзади. – Грабить не буду. Просто сигареты кончились, лень в номер за пачкой идти. А хочешь, расскажу, как гоп-стоп правильно делать? Хочешь грабануть какого-нибудь бобра, бей сразу. Не разговаривай. Зачем слова, только время тратить и жертву спугнуть. Верещать начнет, на помощь звать... Нет, подходи и бей сразу в морду, выворачивай карманы и драпай. Вот и все.

– Спасибо, буду знать, – улыбнулся Майкл. – И как, многих уже ограбили?

– Бывало по молодости всякое, но я с этим завязал. Мне дело мое нравится, интересное оно, понимаешь? Без дела человеку скучно. А я, когда работаю, так вроде и смысл в жизни появляется. А если меня кто при этом кинуть захочет, тогда разговор короткий, – при этих словах Серх вынул пистолет из кармана.

– Вот, помощник мой. Я его зову «ускоритель взаимопонимания». А знаешь, Майкл, дарю! Тебе он тоже пригодится, с борзотой всякой разбираться. Бери, бери, у меня автомат есть. Хороший ты мужик, да и Мару защитишь, если что. Обращаться-то умеешь?

– В армии служил, научили.

– Ну, бери, пока я добрый.

Майкл взял пистолет.

– Спасибо, Серх.

– Ну, бывай!

Серх на прощание хлопнул его по плечу и ушел. Майкл еще некоторое время постоял, засунув руку с пистолетом в карман и держа его за рукоятку. Слушал ночные странные звуки, вдыхал аромат ночи и чувствовал себя то ли в каком-то странном фантастическом сне, то ли наоборот наконец-то проснувшимся после стольких лет и живущим настоящей жизнью.

13

Утром его разбудил стук в дверь. Это была Мара.

– Доброе утро! Заходи.

– Долго еще сидели вчера? Я думала, этот Серх тебя до смерти упоит и уболтает.

– Нет, не особо. Да он ничего вообще-то. Знаешь, он подарил мне пистолет.

– О, ну, можем пойти пострелять по бутылочкам. Охота-то, похоже, накрылась медным тазом, с твоей ногой по лесу не погуляешь.

– Да...

– А знаешь, что я подумала! Не съездить ли нам в гости к отцу? Раз уж оказалось, что он работает недалеко отсюда. Познакомишься с ним, он тебе понравится, я уверена. Вы чем-то похожи. Мне тоже интересно посмотреть, я никогда не бывала у него на работе.

– Почему бы и нет? – сказал Майкл преувеличенно во-

одушевленным тоном. На самом деле ему было страшно, а то знакомиться с отцом Мары. «Вроде взрослый человек, – упрекнул он сам себя, – а трушу как школьник перед родителями первой девушки». Почему-то с родителями девушек отношения у него никогда не складывались. Родители Кэтрин его просто недолюбливали, а про отца Анабэль даже вспоминать не хотелось.

После завтрака они сели в машину и поехали в горы. Место, которое им было нужно, на карте обозначалось серой зоной, но туда вела единственная дорога через перевал, и Майкл был уверен, что они не заблудятся. Дорога ответвлялась от основной трассы, по которой они приехали из Шарна, и была не лучшего качества. Обычная грунтовка, да еще и местами с колдобинами, серпантинном взбиравшаяся в горы.

Примерно через час они поняли, что подъезжают к пункту назначения. На въезде на территорию, огороженную сеткой с колючей проволокой, был шлагбаум и будка охранника. «Даже ворот нормальных нет», – удивился Майкл. – «Впрочем, кому здесь что может понадобиться... Местные предпочитают заниматься своими делами и не лезть в чужие».

Охранник вышел из будки, лениво потягиваясь, и спросил, что им здесь нужно.

Мара пустила в ход самую обаятельную улыбку и сказала, что они едут навестить ее отца, Алека, начальника лаборатории.

– А, проезжайте, я позвоню, чтобы вас там встретили.

– Спасибо.

Метров через триста дорожка уперлась в серое бетонное одноэтажное здание.

– Отец говорил, что лаборатория в основном подземная, наверное это ее самый верхний этаж, – предположила Мара.

На крыльцо вышел человек в белом халате. Майклу его лицо показалось смутно знакомым, но он не сразу вспомнил, где его видел. Потом сообразил: да ведь это же тот лысый из гостиницы в Шарне!

– Ба, какие люди! Ну, заходите, заходите. С чем пожаловали? Мара, я и не надеялся, что ты когда-нибудь заинтересуешься работой своего отца, что случилось?

– Ничего особенного, просто мы с Майклом хотели поохотиться здесь в горах, но он неудачно подвернул ногу в лесу, поэтому охоту пришлось отменить. А потом в гостинице мы познакомились с топографом Серхом, он рассказал, что здесь работал, говорил о тебе, вот я и решила приехать, навестить тебя и познакомить с Майклом. Думаю, вам будет интересно пообщаться.

– Познакомиться? А ведь мы знакомы. Не припоминаешь старого друга, а, Микки?

– Простите, нет.

– Ну конечно, я сильно изменился за эти годы. Алек Борски.

– Боже мой! Алек. Я даже как-то не сопоставил, впрочем, я не знал, что ты занимаешься физикой. Дружище, как я рад

тебя видеть!

Майкл уже раскрыл объятия, но Алек суховаато протянул ему руку.

– Что ж, я тоже рад, проходите, почувствуйте себя как... в гостях.

Алек провел их в свой кабинет, заварил чай, достал с полки коробку с изрядно подсохшим овсяным печеньем.

– Да, неожиданная встреча, – начал Майкл. – А что же ты не признался еще тогда, в гостинице? Мы бы посидели, выпили, повспоминали юность... Хотя нас объединяют грустные воспоминания. Помнишь, Мара, я обещал рассказать тебе, как вывихнул ногу в первый раз?

– Да.

– Так вот. Мы все тогда были молодыми, студентами, знаешь, сил много, жизненного опыта мало, хотелось какого-то драйва, жизнь казалась слишком размеренной и скучной. Началось все с кружка чтения. Читали всяких древних философов, писателей, прочитали несколько антиутопий, стали обсуждать, и знаешь, нам вдруг показалось, что мы тоже живем в антиутопии. Что свободы мало, что за нас как будто всё выбирают, а тут еще закон новый приняли о создании единой базы ДНК всех граждан Уэя. Нам это не понравилось! Речь шла, как нам показалось, уже не о безопасности граждан, а о возможной искусственной селекции. Правда, потом правительство специально прописало в законе пункт о запрете селекции, но это было уже после нашего выступления. И после

не значит вследствие, но тем не менее. В общем, мы создали тайную организацию, куда входили студенты разных факультетов и другие сочувствующие, и решили провести массовую акцию протеста, чтобы «открыть глаза» нашим гражданам.

– Да, да, какая ирония, – вмешался Алек, – Майкл Трэмсон, всегда и во всем лучший, первый ученик, стипендиат, спортсмен! И вдруг взбунтовался, свободы ему, видите ли, захотелось! Где же ты был, когда мы все вышли на площадь? Наш юный гений, громче всех кричавший про свободу и права человека, струсил.

– Неправда! Ты же знаешь, что накануне того злополучного дня я участвовал в соревнованиях по прыжкам и очень сильно вывихнул ногу. Я просто не мог ходить!

– Ну, конечно! Какое несчастье – ножку повредил! Даже свои поражения ты умел превращать в победы. Когда всех зачинщиков акции протеста арестовали, ты оказался ни при чем. А нас приговорили к высылке на остров Оу, навечно.

– Но я же поехал вместе со всеми!

– Поехал. Но по своей воле, а не под конвоем. И у тебя всегда было право вернуться. Ты не знаешь, что значит «без права на возвращение»? За одну глупую выходку, придуманную тобой, мы расплачивались всю жизнь на этом проклятом острове!

– Не я один это придумал. И я расплачивался за случившееся вместе со всеми. Кроме того, многие впоследствии подали прошение о помиловании, и им в конце концов разре-

шили вернуться. Ты бы тоже мог, но нет, ты же слишком горд для этого, Алек. Лучше же ненавидеть и проклинать весь белый свет, как этакий Каин или Манфред.

– Не в этом дело. Я не собирался возвращаться.

– Да и я бы не уехал с Оу, если бы не ты! Ты же сам меня уговорил, буквально насильно впихнул на паром, а теперь упрекаешь! Да, я оказался слабее, чем думал, но...

– Ты всегда был слабаком, Майкл! Слабаком и трусом! За что только Анабэль любила тебя? Ты не смог даже вернуть девушку, которую любил больше жизни, как ты говорил!

– Я пытался ее найти, ты же знаешь, мы ведь вместе ходили, расспрашивали у надежных людей, даже нашли одну из вилл ее отца в пригороде Шарна, но там никого не было, кроме прислуги. И прислуга сказала, что молодая хозяйка вышла замуж и отправилась погостить к родителям мужа, куда-то вглубь острова.

– И ты тут же скис. Она вышла замуж, ах, какая трагедия! Хороший повод, чтобы уйти в запой и отказаться от непосильной для тебя задачи!

– Но что я еще мог сделать?!

– Ты – ничего.

– В каком это смысле?

– А в таком. Ты трус и неудачник, Майкл. Когда я погрузил твое брэнное тело на паром, я почувствовал такое облегчение, такую радость! Теперь я знал, что мне делать. Я бросил работу в порту и через одного знакомого наркоторгов-

да устроился работать курьером в одну из фирм Хосе (мужа Анабель), через год дослужился до старшего курьера, мне стали доверять важные поручения. Еще через год Хосе понадобился новый личный шофер, и я устроил так, чтобы ему порекомендовали меня. Так я получил возможность видеть Анабель, женщину, которую я любил больше всего на свете.

– Ты любил?!

– Я. Я полюбил ее с первого взгляда, с того вечера, когда она внезапно появилась у нашего костра на берегу. Она замерзла и хотела немного обогреться. И я накинул свою рубашку ей на плечи. А ты даже не подвинулся, чтобы уступить ей местечко получше. И все равно она выбрала тебя! Почему?!

– Подумать только! Анабель многим нравилась, она была очень красивая, но я и вообразить не мог, что ты был в нее влюблен...

– Ты был моим другом, а она выбрала тебя, везунчика Майкла, всегда выходящего сухим из воды... Ты даже не любил ее по-настоящему! Ты бы не смог пройти через то, через что прошел я ради нее. Однажды Хосе поручил мне отвезти его жену в город. Пока мы ехали, я рассказал Анабель все. Как разрушили колонию хиппи, как мы с тобой отправились в Шарн, как работали на погрузчиках в порту, как искали ее повсюду, как узнали, что она вышла замуж, и наконец, как я отправил тебя домой на Уэй, а сам остался, чтобы найти ее, и вот – нашел. Она все еще любила тебя! Знаешь, о чем она

меня попросила? Чтобы я скорее дал тебе знать, что нашел ее, чтобы ты приехал и забрал ее. Святая простота! Она думала, что я нашел ее для тебя, как настоящий верный друг, этакий Санчо Панса...

– Предатель! Ты ведь мог мне сообщить, я бы приехал!

– Ну, конечно! Ты бы приехал! Предатель здесь только ты, бросивший своих друзей, оставивший девушку, которая тебя любила. Ты ведь и сам мог вернуться на Оу и еще раз попытаться ее найти, что тебе мешало? Но ты не вернулся.

– Я хотел, но...

– Мы ждали тебя больше года. Точнее, Анабэль ждала. Она верила, что ты приедешь и спасешь ее. Я тянул время, всячески стараясь при этом заслужить ее доверие, ее признательность. Она говорила со мной о тебе, я стал для нее чем-то вроде лучшей подруги, которой можно доверить все секреты. Я опекал ее как мать и отец вместе взятые, исполнял все ее прихоти и капризы, утешал, когда муж обижал ее. Хосе был ужасным мерзавцем, и я думаю, что его недавняя смерть была для него незаслуженно легкой. Однажды он уехал куда-то по делам на целую неделю, а меня оставил при Анабэль на вилле. Мы с ней уже успели очень подружиться к тому времени. Каждый вечер я тайком пробирался в ее комнату, чтобы прислуга не видела, и мы часами разговаривали обо всем на свете. Но больше всего – о тебе. И вот, как-то раз мы сидели перед камином, а за окнами тоскливо завывал ветер, разгулялась осенняя буря, и Анабэль вдруг сказа-

ла: «Мне так тревожно что-то, на душе так тяжело, смутно... Ведь он не приедет. Майкл не приедет за мной. Скажи! Скажи мне правду, он не приедет, он забыл меня?». И я ответил: «Да, боюсь, что так». Как она плакала в ту ночь, бедняжка! Я утешал ее как мог. Мы стали любовниками. Но горькая это была любовь. Потому что, даже обладая ею, я знал, что Анабэль не любит меня. Какая это была пытка – любить ее всем своим существом и знать, что она все равно любит тебя, Майкл, даже несмотря на твое предательство, что она отдала бы все на свете за то, чтобы на моем месте оказался ты.

Майкл закрыл лицо руками. Алек продолжал:

– Через некоторое время она поняла, что беременна. Тайком от мужа сделала анализы и узнала, что ребенок от меня, и что будет девочка. Сказала мужу, что скоро родит девочку, а он ужасно разозлился. Хосе хотел мальчика, наследника. Я слышал, как он орал на нее: «Мало мне одной потаскухи в доме, еще решила наплодить, сука, тварь, не могла постараться, чтобы был мальчик!». Мы с Анабэль долго ломали голову – что делать. Врачи сказали ей, что если сделать аборт, детей у нее больше не будет. Она решила оставить ребенка, но не хотела и думать о том, чтобы наша дочь росла в доме Хосе и, не дай бог, повторила несчастную судьбу своей матери. Когда ей пришло время рожать, я подкупил акушерку и врача, чтобы они отдали мне новорожденную девочку, а Хосе сказали, что Анабэль родила мертвого ребенка. Они так и сделали. Как раз накануне одна бедная женщина роди-

ла очень слабенькую девочку, которая вскоре умерла, ее-то и предъявили Хосе. Ребенка похоронили с большой помпой, на это Хосе не поскупился. А маленькую Мару отдали мне, и я растил ее как мог.

– Мару?! Так ты ее дочь? Дочь Анабэль? О, боже!

– Не смотри на меня так! Клянусь, я ничего не знала! Он сказал, что моя мать умерла. Отец, как ты мог обмануть меня?!

– Мы решили, что так будет лучше для всех, ведь если хоть что-нибудь дойдет до Хосе, случится катастрофа. Анабэль была уже научена своим горьким опытом, она хорошо помнила, благодаря какой нелепой случайности отцу удалось ее отыскать после побега. Поэтому она приняла это решение, поверь, оно далось ей очень нелегко. И ты всегда была в ее мыслях, она как могла заботилась о тебе и старалась использовать любую возможность, чтобы увидеть тебя издали, оставаясь невидимой для тебя. Ее сердце буквально разрывалось от любви и от страха за тебя.

– Я хочу ее увидеть! Где она?

Алек ответил не сразу.

– Точно не знаю. Мы расстались довольно давно.

– Как же ты оказался здесь? – спросил Майкл. – Насколько я понимаю, от Хосе просто так никто не уходит, особенно личный доверенный шофер.

– После рождения Мары я отправил ее на некоторое время в деревню, наняв очень хорошую кормилицу, и стал ис-

кать возможности уйти. Общался с людьми, собирал информацию. Подружился с шофером одной большой шишки с очень большими амбициями. Хосе ведь мелкая сошка, в сущности, есть люди и покрупнее. Однажды меня послали с поручением к нему, а я уже успел разузнать, что он ищет по всей стране талантливых инженеров и ученых. Ну, это был мой шанс. Я сказал ему, что я ссыльный с Уэя, физик, ищу работу по специальности. Он согласился взять меня на испытательный срок и обещал, что с Хосе все уладит. Я согласился. Постепенно вошел в курс дела и понял, что горнодобывающий комбинат – просто ширма. Очень удачная, надо сказать. Для посторонних и праздно любопытствующих наша лаборатория просто занимается анализом горных пород, ничего интересного. Даже охрана на въезде практически никакая, ну, ты видел. Хочешь что-нибудь скрыть понадежнее – притворись, что тебе абсолютно нечего скрывать.

– Чем же вы занимаетесь на самом деле?

– Ты уверен, что действительно хочешь это знать, Майкл?

– После всего, что я сегодня от тебя услышал, вряд ли меня что-то может еще больше выбить из колеи.

– Ну-ну. То, что ты здесь видишь, – только верхушка айсберга. Главные лаборатории глубоко под землей. Вход туда хорошо спрятан и тщательно охраняется.

– И что там?

– То, над чем я работал последние десять лет. Мы называем наш проект Интегралом. Видишь ли, передо мной поста-

вили интереснейшую задачу в области расщепления атома.

– И ты не отказался от этой работы? – возмущенно спросил Майкл.

– Ты дурак или так, ушибленный? Я уже не мог отказаться. Да и не хотел. Это же уникальная технология, дающая огромную власть. И это научный вызов! Я знал, что будет очень трудно, но рано или поздно я смогу. Я докажу всем, чего я стою!

– И ты действительно ее создал?

– Да!

– И что теперь будет?

– Думаю, теперь мой босс объявит себя самым главным на Оу, а еще, вероятнее всего, захватит власть над Уэем. Будете ему дань платить и рабов присылать или еще что-нибудь, на что его фантазии хватит, – и Алек глумливо захохотал.

– Ты хоть понимаешь, что ты натворил? Да тебя убить мало за это! Это же катастрофа! С таким трудом достигнутый мировой баланс рухнет! Ты должен уничтожить ее, слышишь?!

– А если нет?

– Я найду ее и сам уничтожу!

– Все тот же самонадеянный идиот. Кто тебя туда пустит?

– У меня есть кое-что.

Майкл вынул из внутреннего кармана охотничьей куртки пистолет, подаренный Серхом.

– Да что ты говоришь! И ты, проповедовавший любовь к ближнему, мир во всем мире, величайшую ценность каждой человеческой жизни, ты готов убивать? Ты способен убить безоружного? Своего старого друга? Так-то ты веришь в то, что проповедовал?

– Именно за любовь, за мир во всем мире, за то, чтобы мои дети остались живы. За это я готов сам идти на смерть и даже убивать.

– Пожалуйста, остановитесь!

Мара встала между ними.

– Отец, ты мой самый родной человек на этом свете! Майкл, я успела по-настоящему полюбить тебя за эти дни! Вы оба очень дороги мне, пожалуйста, ради меня, остановитесь!

Майкл опустил голову. Он понимал, что опять не знает, как поступить и опять, конечно, ошибется, отступит, как и тогда, в юности. Но не может он убить своего друга, отца Мары. Не может и все. Остается последний шанс.

– Послушай, – начал он тихим, спокойным голосом. – Неужели твоя жажда мести жителям Уэя до сих пор так сильна? Неужели одна, даже несправедливо испорченная жизнь, стоит того, чтобы были в итоге разрушены десятки, сотни тысяч других ни в чем не повинных жизней? Ты действительно хочешь, чтобы наш мир был уничтожен? Или ты думаешь, что уэйцы испугаются бомбы и сдадутся без боя? А если нет?

– Какое мне дело? Я презираю этих сытенных животных в

их уютных стойлах, слабых, трусливых, ни на что не годных, как ты. Дело тут не в мести.

– Я понимаю. Тобой движет не только месть, но и страстное желание доказать, что ты чего-то стоишь, и даже гораздо больше, чем те, кто тебя изгнал. Чувство власти над жизнями этих жалких людишек. Ну, ты доказал, что чего-то стоишь. И даже очень много чего. В твоих руках сейчас не только жизни уэйцев, но и наши с Марой. Хотя я вооружен, а ты безоружен, но не твоя жизнь в моих руках, а моя в твоих. И ее, твоей дочери. Мы любим друг друга и хотим уехать на Уэй вместе. Понимаю, на меня тебе плевать, но ведь и она погибнет, если твои хозяева решат использовать бомбу. Неужели оно того стоит?

– Они мне не хозяева.

Видно было, что Алек заколебался.

– Все, кто с тобой связываются, Майкл, плохо заканчивают. Предупреждаю тебя, Мара. Лучше бы ты с ним рассталась и осталась здесь.

– Нет, папа, я не останусь. Лучше ты уезжай с нами. Я уверена, что мы сумеем убедить правительство Уэя, что такой великий ученый очень нужен своей стране, тебя простят, и все будет хорошо.

– Простят! Я их прощение вертел на... Ни я, ни эта бомба им не нужна, мы противоречим их базовым принципам.

– Эта бомба никому не нужна, Алек, кроме кучки мерзавцев, решивших опять перекроить мир и погрузить его в ха-

ос. Лучше всего было бы ее уничтожить. Ты ведь всем все уже доказал. Неужели тебе бомба и интересы этих ублюдков дороже собственной дочери?

– Иди ты к черту, Майкл Трэмсон! Уничтожать придется всю лабораторию. А ведь она, возможно, не единственная. И я не единственный, я просто первый. Ладно, я сделаю это. Уходите быстрее, у вас не больше двадцати минут, чтобы убраться подальше. Взрыв будет сильным. Гоните на полной скорости.

– Папа, а как же ты?

– За меня не волнуйся, все будет хорошо. Майкл...

– Спасибо, друг! Я знал, что ты настоящий человек. Я буду беречь Мару, обещаю!

14

Они гнали на максимальной скорости, какую позволял серпантин неровной грунтовки. Через десять минут были на перевале. Чтобы спуститься с него, нужно было еще около 8 минут. Важно успеть. Девять, восемь, семь, шесть... Раздался грохот подземного взрыва и земля отчетливо вздрогнула под колесами машины. Затем раздался еще более сильный грохот обвала. Дорога позади них перестала существовать, заваленная оползнем.

Мара рыдала, закрыв лицо руками. Майкл продолжал гнать, не останавливаясь. Нужно было быстрее попасть в

Шарн и во что бы то ни стало добраться до посольства Уэя, чтобы сообщить обо всем увиденном и услышанном и оформить въездную визу для Мары. А потом купить билеты на ближайший паром до Уэя.

Через какое-то время они въехали под своды леса. Он был древний, дремучий, под его сводами было сумрачно и тревожно. Влажный воздух заставил покрыться испариной. «Подходящее место для засады», – почему-то подумалось Майклу, когда они проезжали очередной поворот.

Внезапно дорогу им преградил ствол упавшего дерева. Пришлось остановиться. Ствол был слишком толстый, чтобы его можно было переехать или оттащить в сторону. Внезапно позади тоже рухнуло дерево и в этот момент из леса раздался голос:

– Вы в ловушке! Медленно выйдите из машины и поднимите руки.

Майкл решил не геройствовать, мгновенно подумав, что хотели бы убить – убили бы сразу, а нет – значит нужны живыми, может просто похищение, выкуп потребуют, в общем, лучше пока выполнять требования и не нарываться. Они вышли из машины, подняли руки и увидели, что из леса выходят несколько мужчин в камуфляже, с автоматами, среди которых Майкл узнал обоих свинорылых субъектов, уже не раз попадавших ему на глаза.

Похитители, обыскав Майкла и отобрав пистолет Серха, связали им руки, завязали глаза, довели до машины, очевид-

но, стоявшей неподалеку, усадили туда и повезли куда-то. Дорога была не очень долгой, по ощущениям – меньше часа.

Их привезли в уединенный дом посреди глухого леса, развязали руки и сняли повязки с глаз, велели вести себя спокойно, ничего плохого им не сделают, просто один человек хочет побеседовать.

Зашли в дом, внутри он выглядел гораздо роскошнее, чем снаружи, настоящая охотничья резиденция какого-нибудь местного богатея. Майкла и Мару привели в комнату, судя по всему, гостиную, очень большую и довольно сумрачную. В огромном камине горел огонь, у камина стояла женщина в черном. Она обернулась к вошедшим.

Майкл узнал ее почти сразу.

– Анабель... – прошептал он, еще не до конца веря своим глазам.

– Мама?.. – Мара, кажется, тоже догадалась.

– Что ж. Вот мы и встретились. Извините, за доставленные неудобства в пути. Надеюсь, с вами обращались бережно?

– Но зачем весь этот спектакль с похищением? Неужели мы не могли встретиться просто так?..

– Майкл, Майкл... Ты как был наивным, так и остался. Вы влезли в такую заварушку, что будет чудом, если удастся выбраться живыми. Давайте присядем и все обсудим. Я на самом деле пытаюсь вас спасти. Вам нельзя было возвращаться в Шарн открыто, вас бы тут же выследили и убили.

– Но за что?

– Хотя бы за то, что вы узнали о лаборатории и о бомбе. И могли рассказать об этом на Уэе.

– Но лаборатория и бомба уничтожены.

– И за это тоже. Ведь они уничтожены не без вашего непосредственного участия. А кроме того, есть и другие лаборатории, или будут созданы. А вот об этом на Уэе никто не должен узнать.

– Откуда ты все это узнала? И что нам в таком случае делать?

– Мои люди следили за тобой, Майкл, с самого момента твоего приезда на Оу. Когда вы поехали к лаборатории, я поняла, что ждать больше не стоит, нужно перехватить вас на обратном пути.

– Значит, ты знала, что я приеду? Но как?

– Очень просто. Я в глубине души всегда верила, что ты когда-нибудь приедешь. Через десять, двадцать, тридцать лет, но приедешь. Я подружилась с начальницей туристического бюро, делала для нее много полезного, в обмен получала информацию обо всех приезжающих с Уэя. И Мару пристроила к ней работать заодно.

– А я-то думала, что меня взяли благодаря моим высоким профессиональным качествам...

– Само собой, милая, но ты же знаешь, здесь хорошую работу без блата не получить, будь ты хоть трижды профессионал. Я всегда внимательно следила за твоей жизнью и помогала, чем могла.

– Спасибо, мама. Но почему ты не дала о себе знать раньше, когда я уже была взрослой? Я бы уже не проболталась о нашей тайне. Мама, мне так тебя не хватало!

– Девочка моя! Я боялась за тебя. За мной постоянно следили люди Хосе. Я мечтала от него избавиться и начать новую свободную жизнь, но это ведь не так просто. Развод был невозможен, только смерть разлучила бы нас. Но я не сразу решилась на его убийство. Окончательно решение созрело, когда я узнала, что смертельно больна, и мне осталось не больше года. Тогда я начала всерьез готовить план, и вот, он удался. Подозрения мне пока удалось от себя отвести, но рано или поздно правда может вскрыться. Но мне уже все равно, думаю, я успею умереть раньше. Тут уж все одно к одному. Когда план убийства был уже близок к осуществлению, я узнала, что приедет Майкл. Я попросила свою подругу, чтобы его персональным гидом назначили тебя, Мара. С самого начала я планировала увидеться с вами, когда с Хосе будет покончено, поэтому поручила своим людям не упускать вас из виду и ненавязчиво пригласить ко мне в гости, когда представится такая возможность. Но события начали разворачиваться слишком быстро, поэтому пришлось действовать так.

– И все-таки я не понимаю, откуда ты узнала про лабораторию? – спросила Мара.

– Я многое успела узнать о делишках Хосе, о том, что он решил спонсировать исследования одной подозрительной лаборатории, думаю, он вовремя почуял, что в воздухе за-

пахло переменами. Нынешний правитель Шарна уже стар. Он всегда проводил достаточно лояльную политику по отношению к Уэю, Уэй, в свою очередь, проводил политику мягкого сдерживания по отношению к Оу. Главной задачей было следить, чтобы различные кланы оставались достаточно враждебными друг к другу и не объединились, став реальной политической силой, способной избавиться от протектората Уэя, но в то же время, чтобы правителем Шарна оставался наиболее влиятельный из них и наиболее лояльно настроенный к Уэю. Но это время заканчивается. Как я уже сказала, правитель стар. Появились новые силы, жаждущие власти. Думаю, ему вот-вот устроят «последнюю охоту». Но для захвата власти и дальнейшего противостояния Уэю нужен достаточно сильный аргумент, например, оружие массового поражения, способное напугать врагов и подчинить союзников. Хосе хотел примкнуть к этой новой силе и подняться к вершинам власти с ее помощью. Но я не позволила его мечтам осуществиться. Теперь обсудим, как вам быть дальше.

– Мама, мы с Майклом хотели добраться до Шарна как можно быстрее, сесть на паром и уехать на Уэй, но теперь... я даже не знаю. Я не хочу снова тебя потерять, можно я останусь с тобой?

– Милая моя девочка. Нет, оставаться тебе нельзя. Вам нужно добраться до Уэя как можно скорее, там вы будете в безопасности, а обо мне не думай, я же сказала, мне не долго осталось.

– Но может быть, тебе поехать с нами, может там тебя сумеют вылечить?

– Нет, уже слишком поздно. Даже ваша медицина не все-сильна. А кроме того... Нет, эта жизнь уже не для меня. Я успела сделать все, что хотела, и ни о чем не жалею. Если я буду знать, что вы в безопасности, я умру спокойно.

А Майкл сидел, как воды в рот набрав, слишком его выбрали из колеи события этих дней. Он так мечтал увидеть Анабель, и что ж, вот увидел, но все идет совсем не так, как ему представлялось. Это уже не та трепетная и влюбленная девочка, от нее совсем ничего не осталось, перед ним уверенная, властная, даже жестокая женщина, прожившая нелегкую жизнь. Этой, новой Анабель он, пожалуй, даже немного побаивался. И рядом Мара, ее дочь, его любовница, черт, как все запуталось...

– Я помогу вам изменить внешность, чтобы никто вас не узнал, пока будете добираться до парома, и дам провожатого, он решит все вопросы с документами на выезд. Майкл, береги Мару. Это все, что у меня было в жизни хорошего, все, что у меня осталось.

– Анабель, я обещаю. Все будет хорошо. И знаешь, я хотел сказать... Я узнал от Алека обо всем, что было после моего отъезда. Я виноват перед тобой. Прости меня!

– Я давно простила.

Майклу и Маре подобрали новые вещи и загримировали так, что их действительно стало очень трудно узнать. На про-

щение они обнялись с Анабель, и, честно говоря, все трое не удержались от слез.

Потом была долгая дорога до города на машине, которую вел один из людей Анабель. Майкл сидел на заднем сиденье рядом с Марой и держал ее за руку. Не каждый человек вообще выдержит такое: потерять отца, узнать, что мать жива и тут же снова с ней разлучиться. Майкл внутренне восхищался мужеством этой хрупкой девушки. Он пока не гадал, как сложится их жизнь по возвращении на Уэй, одно он решил точно: он не может ее потерять.

В город въехали поздним вечером, переночевали в каком-то дешевом отеле, где вместо документов вполне сойдет крупная денежная купюра, а утром за ними заехал человек Анабель, привез необходимые документы и довез до парома. Поднимаясь по трапу, Майкл спиной чувствовал чей-то недоброжелательный взгляд, то ли хмурой толпы грузчиков, толпящейся у причала, то ли самого города, с которым Майкл, наконец, свел все счеты и прощается теперь уже навсегда.

Надо было идти, конечно, сразу в каюту, но Мара захотела взглянуть в последний раз на родной город. Майкл подошел вслед за ней к борту. Вдруг внизу в толпе что-то громко хлопнуло, началась суета, крики, а Майкл почувствовал, что его толкнули в бок, он потерял равновесие и упал. И увидел, как рядом с ним почему-то медленно, как в замедленной съемке, оседает на палубу Мара.

Внизу суета, охрана парома ловит негодяя, кажется, пой-

мали, или удрал, Майклу уже нет до этого дела. Он сидит на палубе и держит на коленях голову Мары. «Пожалуйста, только живи!» Но ранение в сердце смертельно. Врач качает головой – ничего нельзя сделать. «Она спасла мне жизнь. Это я должен был ее спасти, и не смог. Как же я опять подвел тебя, Анабель! Расслабился, думал все уже позади... Какой же я никчемный идиот!».

15

Ее тело лежало в морозильной камере в трюме парома, и казалось, что она просто спит, может быть, как в будущем наши далекие потомки будут спать в криокамерах во время космических путешествий между галактиками.

Майкл пребывал в прострации, не хотелось думать о неизбежном объяснении с Кэтрин, все равно он не сможет, не будет скрывать от нее правду. Одно он знал точно. По приезде он первым делом сообщит правительству обо всем, что узнал на Оу о лабораториях и изготовлении бомбы. Возможно, это приведет к новой войне, возможно, в ней погибнут остатки цивилизованного мира, чудом сохранившиеся и восстановившиеся после Катастрофы. Возможно, удастся решить дело миром, отсрочив очередной конец истории. Что будет, то будет – незачем гадать. Нужно просто быть готовым, стараться жить так, как будто конец света может наступить в любой день, просто делать то, что должен, не врать, не из-

врачиваться, не перекладывать ответственность на других. Нет, это ни черта не просто. Но это единственный способ существования, который можно назвать настоящей жизнью.

И еще одно дело он точно должен успеть довести до конца, даже если миру осталось существовать не так уж долго. Похороны Мары. Они должны быть красивыми.

***

На могиле Мары Майкл посадил куст роз ярко-алого цвета³. Он часто приходит ее навещать. Иногда ему вспоминаются стихи одного замечательного поэта прошлой эры:

И если я живу на свете,
То лишь из-за одной мечты:
Мы оба, как слепые дети,
Пойдем на горные хребты,
Туда, где бродят только козы,
В мир самых белых облаков,
Искать увянувшие розы
И слушать мертвых соловьев.

---

³ А сорт этот, кстати, называется Эсперанс. Такое вот имя розы.